Храм Юнисы

Автор:
Николай Коростелев

Храм Юнисы

Николай Коростелев

Иногда надо уехать очень далеко, чтобы оценить то, что рядом. Главный герой перемещается в разные исторические эпохи, чтобы найти свою мечту и стать счастливым. На пути его встречаются настоящая дружба и любовь, жестокость и честь.

Автор рассказывает увлекательную, наполненную трагическими событиями и героизмом историю Дальнего Востока.

Вы узнаете о строительстве Китайско-Восточной железной дороги, о властительнице Китая Ци Си, о падении Порт-Артура, гении японской разведки Доихаре и других исторических событиях.

Николай Коростелев

Храм Юнисы

© Николай Коростелев, текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Северная Маньчжурия[1 - Маньчжурия – часть территории современного Китая, расположенная на его северо-востоке.]. Утро.

Над буро-красными скалами, короной охватившими горную долину, полоскался стяг чжурчжэньского[2 - Чжурчжэни – кочевники, населявшие северо-восток Китая до XIII века.] князя Агуды[3 - Агуда – военный вождь чжурчжэней.]. С его чёрного полотнища хищно скалилась искусно вышитая красная черепаха. Резкие порывы ветра заставляли тяжёлую ткань хлопать и перекатываться. Создавалось впечатление, что черепаха на полотнище оживает и, перебирая когтистыми лапами, бежит по чёрному полю флага.

Внизу, в широкой седловине, зажатой со всех сторон отвесными скалами, ощетинились копьями две непримиримые армии. Шестидесятитысячная орда кочевников Агуды и двухсоттысячная армия империи Сун[4 - Империя Сун – китайское государство, существовавшее с 960 по 1279 год н. э.].

С высоты скал орда чжурчжэней походила на живое море. Матово блестели смазанные жиром, многослойные кожаные доспехи. Древки копий, для устрашения врага выкрашенных в чёрный цвет, грозно покачивались в такт движения тысяч степных коней.

Напротив, на расстоянии трёх ли[5 - Ли – китайская единица измерения (500 м).] выстроилась пехота их заклятого врага, императора Хуэй-цзуна[6 - Хуэй-цзун – император династии Чжао Китайской империи Сун.]. В её тылу, на склоне высокого холма, играя золотом шёлковых флагов и ярких многоцветных бунчуков, расположилась Ставка императора.

Громадному полотнищу императорского флага не хватало ветра, и его растянули между двух шестов, демонстрируя врагам тотем властителя империи – огромного чёрного дракона на золотом поле, держащего в пасти красное солнце.

Хуэй-цзун развалился на мягких подушках походного трона и с мрачным удовлетворением обозревал место предстоящего сражения:

– Наконец-то с проклятыми варварами будет покончено!

Победа над чжурчжэнями давно стала целью всей его жизни. Весь последний год он гонялся за ордой Агуды от границ империи Ляо до кочевий тангутов.

Устраивал хитроумные ловушки и засады, но каждый раз чжурчжэням удавалось избежать сражения. Их лёгкая конница тучей слепней кружила вокруг императорской армии и терзала её. Внезапно появляясь на вершинах холмов, она засыпала солдат Хуэй-цзуна стрелами и так же внезапно, а главное безнаказанно, исчезала. В погоне за неуловимым варваром императорским солдатам пришлось прошагать тысячи пыльных ли. Лица воинов стали чёрными от палящего солнца, красной пыли и степного ветра, но всё же им удалось вцепиться чжурчжэням в хвост.

Агуда, яростно отбиваясь от передовых отрядов армии императора, повернул в горы. Его войско несколько дней металось среди скал Станового хребта, пока не нашло закрытую горную долину и не укрылось в ней. Но долина оказалась ловушкой. Император был доволен.

Лазутчики доложили, что в западне оказались около шестидесяти тысяч чжурчжэньских всадников, а это шестьдесят тысяч боевых коней плюс заводные и обоз – итого около ста пятидесяти тысяч лошадей, и всем требовался корм. Хуэй-цзун решил не торопить события и оказался прав: всего за несколько дней вся трава в долине была съедена и вытоптана многотысячными табунами чжурчжэней.

– На голодных лошадях много не навоюешь, – злорадствовал император.

У армии Агуды оставалась единственная возможность избежать сражения – бросить лошадей и уйти в горы пешком. Но за долгие годы противостояния Хуэй-цзун хорошо выучил обычаи врага и знал, что кони для чжурчжэней не просто боевые товарищи, кони – их семья. Ни один чжурчжэнь никогда не бросит коня!

– На этот раз Агуда попался. Ему не избежать сражения. Он будет вынужден атаковать меня. Идти сила на силу. Главное, выдержать первый удар…

Потери будут немалыми, – вздохнул он, – особенно достанется первым шеренгам. Им придётся принять на себя всю таранную мощь копейного удара чжурчжэней. А я не понаслышке знаю, что это значит. Однако на победу я готов поставить всё, даже пожертвовать ветеранами. Да что там ветераны, ради

разгрома Агуды я готов положить половину армии! Сегодня из этой долины выйдет только один победитель! И этим победителем буду я – Владыка империи Сун! Император Хуэй-цзун! А армия? Если будет на то моя воля, уже через полгода под жёлтые императорские стяги соберётся две такие армии! Но это потом. Сейчас главное – выдержать первый удар.

Сегодня он решил применить новую тактику. Всю армию, даже вспомогательные войска, он построил единой фалангой. Узкая горловина долины позволяла полностью перекрыть её и увеличить количество боевых шеренг до семидесяти пяти.

С вершины холма императорская армия смотрелась несокрушимой. Впереди стояла его гордость и надежда – тяжеловооружённые пехотинцы в толстых кожаных доспехах, с длинными копьями и большими, почти в рост человека, щитами. Пехоту набирали только из опытных и обученных воинов-ветеранов. Не одна вражеская армия уже разбивалась об эту стену щитов и железной воли.

За копейщиками стояли новобранцы, вооружённые цепами и баграми.

– Эти, конечно, «по жиже», – скривился Хуэй-цзун, – но и задача у них, хоть и не завидная, однако проще. Своей массой они должны погасить инерцию варварской конницы. А с цепом и багром даже обычный крестьянин становится опасным противником.

По сути, боевой цеп – это небольшой чурбак, окованный железными полосами с острыми шипами, с помощью короткой цепи и кольца он крепился к деревянному древку. Хуэй-цзун лично опробовал цеп и убедился, что в умелых руках это страшное оружие. При попадании по всаднику или коню он наносил противнику тяжелейшие раны. А если таких ударов будет несколько и с разных сторон? Ну а багор – это то же копьё, только с крюком. Конечно, на открытом месте против кавалерии он бесполезен, но в тесноте сражения ему нет цены.

Стоило всаднику потерять скорость, как в борьбу вступал багор[7 - Багор – оружие с древком в несколько метров, совмещающее функции копья и крюка.]. Его наконечник наносил колющие раны, а крюк выдёргивал из седла. А дальше противника либо добивала пехота, либо затаптывала на смерть собственная лошадь.

За боевыми порядками новобранцев располагалась гвардия – элита и главный резерв императора: двадцать тысяч отборных, хорошо обученных и преданных воинов.

– Главное, выдержать первый удар…

Фаланга[8 - Фаланга – вид воинского построения сплошным фронтом в несколько шеренг. Обычное вооружение воинов фаланги – длинные копья и большие ростовые щиты. Для примера: греческие цари Филипп и Александр Македонские выстраивали свою пехоту именно фалангой. По тем временам только она была способна противостоять тяжёлой кавалерии противника.] ощетинилась копьями и приготовилась отражать атаку. По долине разнёсся протяжный, вынимающий душу рёв сигнального рога. В ответ в порядках императорской пехоты загудели сигнальные дудки. Подчиняясь командам офицеров, копейщики с грохотом сомкнули щиты и воткнули торцы ратовищ в землю. Организованная слаженность ветеранов выглядела уверенно и грозно.

– Жаль, придётся пожертвовать этими славными воинами. А новобранцы? – Хуэй-цзун презрительно посмотрел на серую массу недавнего пополнения, – пока это просто мясо. Надеюсь, пример тяжёлой пехоты придаст им отваги. Не зря же офицеры день и ночь муштровали этих навозников.

Со своего далёкого наблюдательного пункта император не видел лиц новобранцев, и напрасно…

В их глазах метались неуверенность и страх. Вчерашние крестьяне перед лицом нешуточной опасности заметно нервничали. Эта нервозность распространялась на соседние шеренги. Командиры искрили солёными шутками, цинично призывали к самопожертвованию во имя лучезарного императора, обещали богатые трофеи и обеспеченное будущее. Но все понимали, что бравада офицеров напускная и из этого сражения выйти живым удастся не многим.

С каждым ударом сердца приближалось начало битвы. То ли от жары, то ли от напряжения по запыленным лицам пехотинцев скатывались капли пота. Руки напряжённо сжимали шершавые древки оружия. Новобранцы тянули шеи, пытаясь разглядеть, что происходит впереди, но за потными спинами товарищей, кроме пыли, ничего не было видно. От этой тревожной неопределенности становилось ещё хуже. Страх так сдавил сердце, что оно

бешено колотилось и, казалось, вот-вот выскочит из груди. Страх…

Страшней был только гнев императора. Проявленная в бою трусость каралась жестокой и неотвратимой смертью. Бывалые воины говорили, что в сражении можно выжить, а от гнева императора – не скрыться нигде.

Сигнал. Армия чжурчжэней пришла в движение. Вооружённые луками всадники нескончаемым потоком просачивались через порядки тяжёлой кавалерии и выстраивались впереди войска. Их было уже несколько тысяч, но они всё продолжали выезжать сквозь ряды тяжеловооружённых сородичей. Вновь раздался протяжный рёв сигнального рога, и лучники сорвались в атаку.

– Ху-урра!

Волчий вой накатывающей лавы пробирал до костей даже бывалых воинов. Топот тысяч копыт выбивал остатки воли. Лавина степняков перестроилась в колонну и понеслась вдоль строя императорской фаланги. Тугие степные луки дружно выпустили в небо мириады стрел. Их было так много, что небо потемнело. Забравшись на высоту, они описали дугу и, разгоняясь под тяжестью железных жал, устремились вниз.

Смертоносный дождь обрушился на армию Хуэй-цзуна. Широкие наконечники стрел с лёгкостью пробивали кожаные шлемы и доспехи императорской пехоты. Будто острые ножи, они рубили, рассекали и глубоко вонзались в незащищённые части тел, нанося ужасные раны. А чжурчжэни, сменяя друг друга, с невероятной скоростью продолжали опустошать саадаки[9 - Саадак – колчан для стрел].

В рядах императорской армии число убитых и раненых росло с каждой секундой и уже исчислялось сотнями. Пробитые стрелами плетёные щиты пехотинцев напоминали ежей, а лучники продолжали дикую скачку вдоль редеющей фаланги. Отстрелявшись, они вываливались из строя и уносились к обозу. Но их место тут же занимали другие – смертельная карусель продолжалась.

Очередная волна чжурчжэней стала забрасывать императорских копейщиков не только стрелами, но и дротиками[10 - Дротик – короткое копьё; часть его древка защищалась железом, чтобы в случае попадания его в щит щитоносец не мог дотянуться мечом до деревянной части дротика и обрубить его.]. Они насквозь

пробивали громоздкие щиты и накрепко застревали в них. Щиты стали невероятно тяжёлыми и неповоротливыми, но бросить или опустить их означало оказаться лёгкой добычей варварских арканов. При любой возможности они выдёргивали из строя опустивших щиты копейщиков и волокли их прочь.

Одна колонна лучников сменяла другую, и императорским солдатам второго и последующих рядов теперь приходилось защищать щитами не только себя, но и стоящих впереди товарищей. Засвистели дудки, и фаланга дружно прикрылась щитами сверху, но стрелы всё равно находили своих жертв.

Особенно доставалось новобранцам. Оказавшись лицом к лицу с реальной угрозой, они совершенно забыли о том, как следует защищаться от стрел, падающих навесом.

Страшные раны товарищей вызывали ужас. Офицерам с большим трудом удавалось сдерживать панику, а стрелы все продолжали собирать кровавую жатву. Казалось, этому не будет конца…

В воздухе ещё шелестели стрелы, когда послышался мерный, набирающий скорость грохот тысяч копыт. Тяжёлая конница чжурчжэней начала разбег. Дружно опустились копья. Солнце тысячами искрящихся бликов брызнуло с их трёхгранных боевых жал. Фаланга застыла. Монолитный строй всадников неумолимо приближался. Ожидание столкновения становилось невыносимым. Воздух вибрировал от напряжения. До сшибки оставался миг.

Таранный удар тяжёлой конницы был страшен. Треск ломаемых копий и щитов, хруст костей, крики боли и ненависти, стоны умирающих и раненых слились в сплошной рёв. Чжурчжэни смяли первые шеренги императорского войска. Опрокинутые тела копейщиков и выбитые из сёдел варвары валились под копыта лошадей, где тут же превращались в кровавое месиво. Потери с обеих сторон были ужасающими.

Но фаланга устояла. Опытные ветераны быстро и слаженно занимали места погибших. Пытаясь восстановить строй, они безжалостно топтали тела упавших на землю товарищей, вбивая их в красную маньчжурскую пыль.

Началась яростная схватка. Варвары, демонстрируя чудеса беспримерной храбрости, вламывались в порядки копейщиков, пробивали бреши и рубились до

последнего.

Но первый страх перед таранным ударом прошёл. Опытные пехотинцы слаженно сдёргивали смельчаков с коней и восстанавливали строй. Из тел убитых людей и коней образовались завалы. Сохранять строй в такой обстановке становилось всё труднее.

В монолите фаланги появились многочисленные бреши. Этим немедленно воспользовались чжурчжэни: не считаясь с собственными потерями, они усилили натиск и глубоко вклинились в порядки императорской пехоты.

Чтобы выровнять строй, фаланга отступила, оставив часть копейщиков сдерживать атаку варваров. Это помогло ей сомкнуть ряды и восстановить нарушенный строй. Пожертвовав третью ветеранов, фаланга вновь стала неприступной.

С брошенными копейщиками было хуже. Сдерживая яростный напор чжурчжэней, несколько тысяч оказались в окружении. Заняв круговую оборону, они отчаянно отбивались от осатаневших от крови варваров. Чжурчжэни накатывались волна за волной, но толчея сражения и нехватка места для разгона не позволяла им применить излюбленную тактику – таран.

Ветераны оттянули на себя противника и дали императорскому войску время перегруппироваться, но силы были не беспредельны. Их командиры понимали, что в таком темпе боя долго не продержаться, и решили пробиваться к фаланге. Медленно, шаг за шагом, ветераны начали отступать.

Но варвары не желали отпускать добычу. Вызвав лучников, они стали расстреливать отступающих, в первую очередь выбивая тех, кто был вооружён копьями. Ситуация стала угрожающей. К счастью ветеранов, стрелы у чжурчжэней закончились, и они унеслись к обозу пополнять запасы. Их место заняли тяжеловооружённые всадники. Прозвучал сигнал рога, и конница пошла в атаку…

Ещё после первой сшибки многие из окружённых хуэйцзунцев лишились копий, а тех, у кого они остались, выбили лучники. Против копий и длинных чжурчжэньских мечей пехотинцам пришлось обороняться тесаками. Варвары поняли, что в схватке наступает перелом, и яростно набросились на практически

беззащитных хуэйцзунцев.

Началась бойня. Ветераны отчаянно сопротивлялись, но их порядки были разорваны и смяты. Конное море степняков обтекало очаги сопротивления и рубило, рубило…Тот десяток минут, что окружённые копейщики подарили своим товарищам, позволил императорской армии справиться с последствиями таранного удара. Оставшиеся ветераны сменили истерзанные шеренги, и фаланга, прикрывшись щитами, двинулась вперёд. Увязшие в сражении чжурчжэни оказались зажаты между напирающими сзади соплеменниками и монолитом наступающей пехоты противника. Длинные копья хуэйцзунцев пробивали доспехи, вышибали из сёдел и калечили лошадей. Всадников кололи и резали со всех сторон. Императорская пехота медленно, но неумолимо перемалывала застрявшую конницу.

Сражение переросло в фазу отчаянной драки по всему фронту. Варвары утратили своё главное преимущество – манёвренность, и теперь им приходилось на равных рубиться с хорошо защищённым и умелым противником. Злость, ярость и отчаянное желание отомстить за растерзанных товарищей гнали ветеранов вперёд. Шаг за шагом они теснили чжурчжэней, кололи через спины товарищей, нанося удары куда попало: не важно, в лошадь или всадника. Варвары из сёдел прыгали в плотный строй пехотинцев и рубились до последнего вздоха, но численный перевес начал сказываться.

Чжурчжэни отчаянно оборонялись, но безнадёжно застряли, неся огромные потери. Почти треть их оказалась под угрозой полного окружения.

Уничтожение крупной группировки противника открывало императору возможность не только обескровить чжурчжэней, но и нанести смертельный удар во фланг их армии.

Сражение вступило в решающую фазу. Обстановка требовала развивать успех, и Хуэй-цзун решился бросить в бой гвардию. Грохот битвы и стена поднятой пыли позволяли ему незаметно перебросить гвардейцев в тыл зажатой группировки противника. Он приказал снять заслон за спинами новобранцев и обхватить правый фланг армии чжурчжэней. Теперь только чудо могло спасти Агуду от разгрома.

Андрей, командир засадного войска чжурчжэней, внимательно наблюдал за сражением. Время от времени он поглядывал на высокую гору в тылу армии Агуды. Вот на её вершине что-то блеснуло, а затем три раза с равными промежутками ослепительно ярко сверкнул луч, отражённый от большого бронзового зеркала.

– Сигнал атаки! Наконец-то! – облегчённо выдохнул он и бросил тренированное тело в седло. – По коням!

Десять тысяч всадников, как единый организм, взметнулись в сёдла.

– За мной! В колонну по четыре! Марш!

Хитрец Агуда давно присмотрел эту долину. Понимая, что численный перевес армии Хуэй-цзуна оставляет чжурчжэням мало шансов на победу, он решил заманить китайскую армию в ловушку. Почти месяц он изматывал противника мелкими стычками и тащил войска Хуэй-цзуна вглубь Станового хребта. Со стороны казалось, что его армия, уклоняясь от сражения, отступает. На самом деле он сознательно позволял императору теснить себя в горы. Когда Агуде донесли, что имперская разведка побывала в горной долине, он всячески стал помогать Хуэй-цзуну и направил своё войско в приготовленную ловушку.

Император не догадывался, что хитрый чжурчжэнь сам выбрал место будущего сражения и уже организовал его армии коварный сюрприз. Десятитысячный отряд отборных всадников укрылся в узкой лощине, вход в которую скрывали красно-бурые скалы. Хуэй-цзун попался на уловку. Получив донесение лазутчиков, что чжурчжэни уходят в горы, он приказал атаковать противника и на его плечах ворвался в долину.

Осталось запечатать единственный выход из природной ловушки. У Агуды не осталось выбора: выйти из долины он мог, только приняв сражение, в исходе которого император не сомневался. В пылу погони Хуэй-цзун не обратил внимания на опасные скалы, оставшиеся в тылу его войск…

Далеко в тылу китайской армии, из узкого прохода между скал в долину выползала колонна засадного войска чжурчжэней. Вырвавшись из узкой лощины, оно разделилось на три отряда. Первый состоял из тысячи конных лучников. Они привязали к хвостам лошадей мётлы из веток и атаковали тыл

правого фланга противника. Стена красной пыли, поднятая мётлами, скрывала истинное количество атакующих, создавая ощущение, что их тысячи. Чжурчжэни, пользуясь этим, устроили карусель, безнаказанно расстреливая спины китайских копейщиков. Лучники сменяли опустевшие саадаки один за другим, и за несколько минут от монолитности правого фланга китайской фаланги не осталось и следа. Ветераны, с трудом оправившиеся от таранного удара конницы, теперь несли потери от стрел, летящих в спины. Строй нарушился. Этим воспользовались увязшие в порядках императорской пехоты чжурчжэни, и оторвавшись от копейщиков, откатились назад. Пока лучники избивали фалангу, их тяжеловооружённые соплеменники перегруппировались и атаковали изрядно потрепанные и поредевшие шеренги противника. На этот раз они с лёгкостью разорвали строй копейщиков и, как стая волков, начали терзать и крушить всё вокруг.

Второй отряд, численностью в две тысячи всадников, отделился от основной массы засадного отряда и с жутким воем понёсся за спинами оставшихся без прикрытия хуэйцзунских новобранцев. Чжурчжэни на полном скаку кололи и рубили, сея панику и неразбериху.

Задачу третьего, основного отряда, полученную перед сражением, Андрей решил несколько изменить, внеся в план Агуды собственные коррективы.

Вместо удара в центр он решил уничтожить основную и самую опасную часть китайского войска – императорскую гвардию. Этот отряд состоял только из тяжеловооружённых всадников, а противодействия набравшей разгон кавалерии практически не существовало.

Хуэй-цзун, отдав приказ гвардии о переброске, невольно подставил их под удар конницы Андрея. Такого подарка упускать было нельзя. Ничего не подозревающие гвардейцы, построившись в походные порядки, ещё бежали на охват противника, когда за их спиной вырос семитысячный кулак тяжёлой конницы чжурчжэней.

В считаные минуты цвет хуэйцзунской армии был сметён и растоптан. Не давая китайцам опомниться, Андрей развернул свой отряд и нанёс сокрушительный удар в тыл левого фланга противника. Он легко проломил ряды новобранцев и, оставляя за собой широкую просеку из трупов, прошёлся по их тылам. Китайцы, спасаясь, смяли соседние шеренги и бросились в стороны. Хаос и неразбериха, устроенные отрядом Андрея, произвела и эффект разорвавшейся бомбы.

Перепуганные новобранцы, не понимая, что происходит в их тылу, сломали строй и заметались. Кругом слышались крики: «Мы окружены! Спасайтесь!»

Офицеры мечом, матом и зуботычинами наводили порядок, но монолит фаланги уже нарушился. Ветераны ослабили напор, и почти обречённый правый фланг чжурчжэней вырвался из свалки. Сохранившие копья всадники перегруппировались, построились двумя клиньями и, разогнав коней, нанесли удар по противнику. Китайская фаланга раскололась на три части. Правый фланг был оторван от центра, но сохранил строй, а левый – рассыпался на отдельные очаги сопротивления.

Китайская армия отчаянно сражалась. Оправившись от удара в спину, офицеры центра императорского войска храбростью и мечом собрали и сплотили вокруг себя остатки ещё многочисленного войска. Центральная часть фаланги свернулась в гигантский полукруг и, ощетинившись копьями, стала отступать к оторванному от общего строя и избиваемому лучниками Андрея правому флангу.

В случае их объединения армия императора вновь могла стать силой, способной переломить ход сражения. Но такой манёвр обрекал разгромленный и разрываемый на куски левый фланг армии на полное уничтожение.

Видя, что центр и правый фланг императорской армии могут объединиться, Андрей вывел своих чжурчжэней из боя. Оглядел значительно поредевший отряд и смахнул с лица пот. Затем качнулся вниз, подхватил с земли брошенное копьё и высоко поднял его над собой:

– Копья!

Бойцы отряда стали подбирать с поля боя брошенные копья. Убедившись, что большая часть отряда вооружена, он зычно скомандовал:

– Клин! – и, толкнув пятками коня, двинулся вперёд.

Подчиняясь команде вождя, чжурчжэни устремились за ним. Андрей нацелился на изрядно потрёпанный тыл центра хуэйцзунского войска и стал разгоняться. Его боевой клин легко вскрыл оборону новобранцев и, ворвавшись внутрь фаланги, почти насквозь проломил её.

Закипела отчаянная схватка. Сбив в сторону нацеленное в него копьё, Андрей обрушил меч на голову ближайшего пехотинца. Копейщик скривился от боли и повалился на землю. Андрей бросил коня в образовавшуюся брешь и раскроил морщинистое лицо китайца, который был справа. Навстречу летело жало багра, и, увернувшись от стального крюка, он рубанул открывшегося пехотинца сверху вниз. Кровь фонтаном брызнула из разрубленной шеи.

Справа и слева мелькали клинки, жала копий, крюки. Вокруг слышались ругательства и крики атакующих, стоны боли и хрипы умирающих.

Почувствовав за спиной движение, Андрей пригнулся, и копьё пронзило пустоту. Качнувшись в сторону напавшего, он толкнул меч вдоль древка копья и срезал с него пальцы. Однако в этот момент его уже атаковали двое других. Он откинулся назад, и над ним пролетели жала копий, после чего Андрей тут же бросил тело вверх. Первый из нападавших не ожидал от всадника такой прыти и не успел отдёрнуть копьё. Андрей рассёк ему плечо вместе с ключицей и перехватил орудие. Чжурчжэнь, скакавший за ним, бросил коня на второго копейщика. Тот не успел закрыться, и срубленная часть его черепа вместе с кожаным шлемом, кувыркаясь, отлетела в сторону. Андрей нанёс копьём несколько ударов в противника. Копьё застряло – пришлось оставить его. От мелькания клинков и копий рябило в глазах. Уходя от нацеленного в него багра, Андрей бросил лошадь в сторону. Обученный конь, побывавший во многих сражениях, сам был оружием. Сбив грудью китайца, он встал на дыбы. Пехотинец выронил оружие и опрокинулся на землю. Конское копыто обрушилось на него сверху, и голова несчастного лопнула, как арбуз. Жеребец вошёл в раж и хватил зубами следующего хуэйцзунца, тот отчаянно заверещал и, выронив оружие, схватился за плечо. Кто-то из толпы ткнул коня багром. Он заржал и взвился на дыбы. От этого скачка Андрей чудом удержался в седле и с досадой дал шенкелей. Конь прыгнул вперёд и вынес его в гущу солдат с цепами. Китайцы от неожиданности шарахнулись в стороны.

– Ху-у-ура! – и Андрей бросил коня на испуганных пехотинцев. Краем глаза он заметил, что рядом с ним справа и слева в ряды новобранцев вломились ещё с десяток его чжурчжэней. Вчерашние крестьяне тщетно пытались противостоять матёрым воинам. А те, опьяневшие от крови и ярости, как стая волков, ворвавшихся в стадо овец, беспощадно рубили и резали растерявшихся китайцев десятками. Страшные всадники наводили мистический ужас своим волчьим воем «ху-у-ура», окончательно подавляя волю к сопротивлению.

Казалось, что уже никто и ничто не может остановить эту бойню. Ещё недавно стройные ряды императорского войска дрогнули и, сминая отчаянно сражающихся ветеранов, брызнули в стороны. Приказы командиров тонули в криках боли и отчаяния.

Воспользовавшись образовавшейся свалкой, Андрей развернул отряд и атаковал спины китайских ветеранов. В строю хуэйцзунцев открылась широкая брешь. В неё тут же ринулись чжурчжэни отрядов, наступавших с фронта. Разъярённые варвары кололи, рубили, сбивали с ног и топтали копытами коней обезумевших от страха пехотинцев.

Один из чжурчжэньских вождей увидел, что отряду Андрея удалось разорвать порядки императорского войска, и бросился за ним. Его тяжёлая кавалерия проскочила пробитый Андреем проход, развернулась и пошла по тылам ветеранов. Обороняться на два фронта копейщики не могли. Оставшиеся в живых бросили копья и, мешаясь с новобранцами, ринулись кто куда. В рядах китайской армии воцарился хаос.

– Пора! – Агуда бросил в бой последний резерв.

Несколько тысяч тяжеловооружённых всадников обрушились на ещё многочисленную, но уже морально раздавленную армию Хуэй-цзуна. Из тысяч китайских глоток вырвался крик отчаяния.

Смерть… безразличная, жадная, смердящая кровью и испражнениями, неумолимая и ненасытная.

Страх… Чавкающие звуки пробиваемых доспехов и предсмертные хрипы умирающих отнимали волю к сопротивлению.

Паника… Бежать, спрятаться, укрыться.

Обезумевшая толпа, бывшая когда-то китайской императорской армией, отступала…

Глава 2

– Капитан, проснись! Приехали!

Андрей тряхнул головой, пытаясь избавиться от преследующих его сновидений. Уже несколько лет подряд ему снился сон, в котором он яростно сражается с армией китайского императора. Найти связь между собой, древним Китаем и чжурчжэнями он не мог. Андрей никогда особо не увлекался историей, а уж историей древнего Китая – тем более.

Этот сон привязался к нему давно, как результат давней контузии, полученной ещё в первую чеченскую. Чугунная после выпитого вчера голова раскалывалась.

– Да, хорошо посидели, – тяжело вздохнул он, оглядывая батарею пустых бутылок, – надо тормозить, а то опять сорвусь.

Мучительно хотелось пить. Опираясь крюками протезов на прикрученный к переборке столик, он тяжело встал и, распространяя вокруг стойкий запах перегара, поднялся на палубу.

Маленький речной буксир «Агона» мерно покачивался на ленивой, грязно-жёлтой амурской волне. Изрядно потрёпанные кранцы из старых автомобильных покрышек скрипели, упираясь в борт старенького дебаркадера. На его крыше белел фанерный щит с обозначением населённого пункта «Тыр».

– Вот он, твой Тыр, – кивнул в сторону берега Серёга, он же капитан небольшого буксира из дальневосточного городка с длинным названием Николаевск-на-Амуре. Сам город располагался в устье могучей дальневосточной реки Амур, а населенный пункт со странным названием «Тыр», возле которого сейчас мирно покачивался буксирный катер, находился в ста километрах выше по течению.

– Попить что-нибудь есть? – проскрипел Андрей пересохшим горлом.

– Чай будешь? – спросил Серёга, отхлебывая из кружки кипяток.

– Давай.

– Вон, в стакане. Только налил. Стой! Да не залпом же. Он же горячий.

– Поздно, – отмахнулся Андрей.

– Ну ты даешь! Ещё налить?

– Не, хватит.

– Дело хозяйское. Ладно, Андрюха, мы на месте, выгружайся. Я хочу, пока светло, добежать до Херпучей. Вода низкая, как бы на косу не наскочить.

– Нищему собраться – только подпоясаться, – усмехнулся Андрей и пошёл собирать пожитки. Застегнув замок небольшой спортивной сумки, он повесил её на плечо и поднялся на палубу.

– Ну, я пошёл.

– Удачи! Через два дня буду.

– И тебе семь футов под килем[11 - Семь футов под килем – традиционное на флоте пожелание удачи, благополучного плавания.], – блеснул знанием флотского фольклора Андрей. – Может, всё-таки возьмешь? – махнул он бумажной банкнотой.

– Нет, я же сказал – не парься.

На предложение получить плату за проезд Серёга ответил отказом ещё в Николаевске. При других обстоятельствах он бы взял деньги, но пассажир попался уж очень необычный.

Этот сорокалетний мужик в ладно сидящей, добела застиранной полевой форме капитана российской армии появился возле катера Серёги два дня назад. Серёга стоял без работы уже неделю. Его компаньон договорился о буксировке плашкоута[12 - Плашкоут – несамоходное плоскодонное грузовое судно.]с грузом из посёлка Херпучи в Николаевск, и теперь они ждали представителя груза, который должен прилететь из Хабаровска. Компаньон носился по городу в поисках попутного груза, а Серёга томился на катере. «Агона» мерно покачивалась на амурской волне.

Вода между причалом и бортом ритмично хлюпала, а кранцы поскрипывали в такт качке. От раскалённой палубы, слоясь, поднимался горячий прозрачный воздух. Вялый ветерок с реки приятно холодил лицо и не богатырскую грудь загорающего судовладельца. Сиплый, будто простуженный голос, нарушил ленивую дрёму.

– Есть кто на борту?

– Кого это принесло? – поднял голову Серёга.

Увидев в человеке на борту признаки жизни, незнакомец вежливо продолжил:

– Мне сказали, вы идёте в Херпучи. До Тыра не подбросите?

Серёга по привычке хотел ответить солёной шуткой-прибауткой, но матерок застрял на языке.

На берегу стоял армейский капитан, у которого вместо кистей рук из рукавов торчали два крюка из нержавейки. На правой стороне лица были видны следы сильного ожога. Розовый шрам сползал на шею и терялся где-то под гимнастёркой. Глазницу прикрывала уродливая складка обожжённого века, под которой перекатывался шар глазного яблока.

Привыкший к реакции на свою внешность капитан переспросил:

– Так что? До Тыра возьмёте?

– Возьмём, только, когда отправимся, не знаю, заказчика ждём.

– Да мне не к спеху, подожду. Сколько за проезд возьмёте?

– Так довезём, не на себе же.

– За так не надо. Я могу заплатить. Тем более обратно тоже надо будет выбираться.

– Ну, если не торопитесь, то и обратно довезём. Нам по пути. Денег я с вас не возьму, а вот чего-нибудь из продуктов с собой прихватите, телепаться туда-сюда неделю будем.

– Тогда я в магазин. Когда сюда шёл, видел. Максимум через час вернусь. Дождётесь?

– Можете не торопиться, раньше завтрашнего утра не выйдем. Но если ночевать негде, приходите. В кубрике место есть.

– Спасибо, договорились. Я тогда по городу прогуляюсь, а к вечеру буду. И ещё, может, перейдём на «ты»?

– Без проблем, меня звать Сергей, можно Серёга.

– А меня Андрей, – улыбнулся капитан, – до вечера!

– Давай, – вяло махнул рукой Сергей.

Вечером к причалу подъехала изрядно уставшая «Тойота». Из салона выбрался капитан, выгрузил из багажника две коробки продуктов и ящик портвейна «777», расплатился с водителем и крикнул на буксир:

– Серёга, принимай!

– Ты куда столько набрал?

– Так ты сказал, денег не возьмёшь, а я на халяву не привык. Что не съедим, на борту останется. Там в одной коробке консервы: тушёнка, рыба, сгущёнка. А в другой – огурцы, помидоры в банках, чай, сахар, макароны, немного колбасы на закусь, ну и зелень. Колбасы и хлеба много брать не стал, побоялся, что пропадёт.

– У нас не пропадёт, – повеселел Серёга, – я вижу, ты разговорной водой серьёзно запасся, – кивнул он на ящик с вином.

– Так не хлебом единым, – в тон ему ответил Андрей, спрыгивая на палубу. – Куда нести, показывай.

Серёга оказался общительным и весёлым собеседником. Перемежая слова обычной речи с острыми флотскими шутками, он быстро расположил к себе ветерана. За разговорами нарубили закуски и накрыли стол на корме.

Серёга старательно делал вид, что не замечает увечий капитана, но тот, не стесняясь, достал из сумки сменный протез и сменил крюк на крепление для ложки и ножа. Отработанным движением пристегнул нож и стал ловко нарезать колбасу. Серёга отвернулся. Его смутила неприлично розовая культя, которая открылась при смене протеза, но Андрей лишь хмыкнул:

– Всё в порядке, я привык. Что ещё порезать?

– Вроде всё.

– Тогда тащи посуду под напиток.

Серёга принёс два гранёных стакана и вопросительно посмотрел на Андрея.

– Подойдёт, – кивнул тот.

Под мерный плеск волн разлили портвейн.

– Ну, за знакомство, – подражая персонажу известной комедии, улыбнулся Андрей и, удерживая стакан культями, опрокинул его в рот.

Завязался обычный между мужиками разговор.

После очередного стакана Серёга решился задать крутившийся на языке вопрос:

– Где тебя так?

– А, – отмахнулся Андрей, не любивший разговоры на тему своего ранения и вообще о войне, – первая чеченская.

И вдруг ему захотелось рассказать этому совершенно не знакомому человеку историю давней трагедии, безжалостно изменившей его жизнь. Трагедии, превратившей матёрого, прошедшего две войны офицера ГРУ в калеку и инвалида. Увидев в глазах Серёги немой вопрос, он толкнул к нему пустой стакан:

– Налей.

Молча выпил.

– Набросай-ка ещё, – и одним глотком опрокинув в себя содержимое, опустил голову, – ну, слушай…

Рассказ его был долгим, и Андрей прерывался только для того, чтобы выпить ещё «по пятьдесят». С каждым стаканом голос капитана становился глуше, а рассказ – яростней и злей, вызывая в воображении Серёги яркую картину тех трагических дней.

– Моя группа возвращалась из рейда.

Бои в Грозном шли тяжёлые – весь город стоял в развалинах. Духи[13 - Ду?хами во время Афганской и чеченской войн российские солдаты называли боевиков.] отчаянно дрались за каждый дом. Часто бывало, что в одном доме на разных этажах могли находиться и наши, и они…

Из командного пункта первого батальона доложили, что поймали снайпера. По информации это был русский, из Новосибирска. Поступил приказ доставить эту суку в штаб бригады. Я прихватил своих разведчиков и на двух БМПэшках отправился за стрелком. На подходе к железнодорожному вокзалу стали попадаться сожжённая техника и много трупов. Наших трупов, братишек-славян. Это всё, что осталось от Майкопской бригады, которую на Новый год с девяносто четвертого на девяносто пятый спалили духи. Место простреливалось, поэтому трупы не собирали. Обошли развалины вокзала и сразу за ними попали под обстрел. Духи долбили откуда-то сверху. Огонь, хоть и вёлся бестолково, но я решил не рисковать. Оставил БМП на экипаж и с двумя бойцами пошёл пешком. Парни уже пообстрелялись, пообвыкли, а поначалу было – хоть волком вой.

Представляешь, все солдаты, что нам прислали, были из нового призыва. Одни без команды вперёд лезут, других матом приходилось гнать.

Огляделся. Мои бойцы залегли неподалёку, тоже осматриваются. Рожи от копоти чёрные, только глаза и зубы сверкают. Показываю одному головой, другому рукой направление движения. Пошли: зигзагами, винтом, перекатом. Пот заливает глаза. От одежды пар. Во рту привкус крови, в висках стук. Адреналина в кровушке до чёртиков. Пробираемся, избегая открытых участков, перебежками по обломкам кирпича, бетона[14 - В 1825 году русским инженером Челиевым был изобретён строительный материал бетон, он состоял из цемента и других добавочных материалов, смешанных в различной консистенции. Цемент оставался его основной составляющей, но в середине XIX века Челиев запатентовал новый строительный материал – железобетон, содержащий арматуру. По сути, арматура – это связующий каркас, который усиливает общую конструкцию и обеспечивает ей устойчивость к высоким нагрузкам. Железобетон до сих пор применяется в строительстве, но впервые он был применён при строительстве русской морской крепости Порт-Артур. С появлением арматуры разные незаконопослушные граждане часто использовали её как средство нападения.], стекла.

Слышу: «Вжик, вжик». Твою мать! Неужели снайпер? Ныряем в ближайший подвал, гранаты под рукой. Это уже на автомате, и неизвестно, что и кто нас там ждет. В подвале наткнулись на пару трупов, по форме наши, славяне.

Кивком показываю, чтобы один вёл наблюдение через окно, сам встаю у дверного проёма. Вижу, как второй боец склоняется над погибшими, достаёт документы, срывает с шеи верёвочки с личными номерами. Ребятам уже всё равно, а семьям сообщить надо. Через подвал выбираемся на соседнюю улицу, а там до первого батальона рукой подать. На ходу глянул документы погибших – наши солдатики, сибиряки. Змей выглянул в окно – чисто. Сгибаемся чуть не вчетверо, и перебежками вперёд.

В небе барражирует авиация, с высоты обстреливая душманские позиции. Не знаю, что они там видели. Единой линии фронта нет. Ведутся очаговые бои.

Порой получался «слоёный пирог» – духи, наши, снова духи, ну и так далее. В общем, дурдом. Взаимодействия почти никакого.

Особенно сложно работалось с внутренними войсками. Бывало, штурмовали одни и те же объекты, даже не подозревая друг о друге…

Вот и на вокзале, где Майкопская бригада легла, так же получилось. Без артподготовки, толком не разведав состав и численность духов, взяли вокзал. Расслабились после боя, стали засыпать. Не шутка – больше недели не спали. Держались только на водке и адреналине.

Тут они и подошли, – Андрей тяжело вздохнул, – забросали майкопцев коктейлями Молотова. Люди горели, как факелы, а их расстреливали в упор. Не знаю, как часовые духов прозевали? Или заспали, или как у Чапаева, но тот-то просто караулы не расставил. Короче, горело всё, что могло и не могло. От зажигательной смеси загорелась техника, стали рваться топливные баки и бочки с соляркой. Горела земля, асфальт, стены домов, люди…

Кто отстреливался, кто помогал раненым, кто стрелялся, чтобы не попасть к духам, некоторые бежали. Комбриг с перебитыми ногами до последнего командовал, хотя мог уйти в тыл. Остался…

Господи, храни его душу, – Андрей прервал рассказ, закурил.

– Наливай. Давай за ребят, – он поднялся на ноги и, чудом удержав равновесие на качнувшейся палубе, выпил.

– Дальше? А дальше наша бригада с тяжёлыми боями стала прорываться на помощь майкопцам. Танки прорубались сквозь завалы трупов. До сих пор перед глазами стоит, как траки танков и БМП наматывают на катки кишки и внутренности таких же, как ты. Как с хрустом лопается под гусеницей чья-то мёртвая голова, и всё вокруг окрашивается серо-красными мозгами.

Знаешь, – капитан глянул на Серёгу здоровым глазом, – когда твои ботинки скользят на кровавом месиве, тогда главное – ни о чём не думать. Сосредоточиться только на том, чтобы идти вперед и выжить. А ещё сохранить людей. Потому что бойцы, которых ты потеряешь, будут сниться тебе по ночам. И придётся писать похоронки и акты опознания тел. Врагу, самому злейшему врагу не пожелаю этой работы. Лучше захлёбываться в атаке, поливать из автомата направо и налево, чем в землянке или в подвале писать эти бумаги, – Андрей зарычал и опустил голову.

Серёга быстро налил полстакана и подвинул его капитану, тот молча выпил и продолжил рассказ.

– Змей заметил шевеление в окне пятиэтажки, успел крикнуть: «Духи!» Мы с Семёном залегли и укрылись за грудой битого бетона. Змей открыл огонь по окну, а мы стали готовить подствольники. Какая зае…, извини, замечательная штука, этот подствольный гранатомёт. Весит, правда, не мало – почти пятьсот граммов. Крепится к автоматному стволу снизу и может вести огонь как по прямой, так и по навесной траектории. Видел когда-нибудь, нет? Ну, тогда в двух словах. Подствольник – это небольшая трубка со спусковым крючком и предохранительной скобой, у него есть прицел. Но мы за дни боёв так набили руку, что обходились без прицела. Из подствольника можно закинуть гранату в любую форточку или перекинуть через здание. По прямой швыряет на четыреста метров, разлёт осколков – четырнадцать, – сказка. Сколько жизней он в Грозном спас – не перечесть. Есть ещё у подствольных гранат существенное достоинство – взрываются от удара. Бывает, обычную гранату с замедлением три-четыре секунды нужно бросить в верхнее окно, и, если не попал, она может и обратно отскочить. А подствольная граната – ударного типа, поэтому взрывается, встретив препятствие. Ударишь её о каблук – она встаёт на боевой взвод, и кидай её, куда тебе надо. Мы их собаками называли.

Вот мы с Семёном и стали закидывать из подствольника гранаты в окно, где Змей заметил движение. Первая собака ударилась о стену и взорвалась. Вниз отвалился большой пласт штукатурки и поднял облако пыли. Пока оно не осело, мы разом рванули через открытое пространство. А там уже, где ползком, где бегом. Дальше добрались без приключений.

Снайпера забрать не успели. На прикладе его винтовки обнаружилось тридцать две зарубки. Тридцать две оборванные жизни. Сука…

У духовских снайперов в ходу такая хитрость была – специально ранят, чтобы не мог уползти, и ждут. Раненые кричат, к ним спешат на помощь и попадают под снайперский выстрел. Так наша бригада человек тридцать потеряла. Поэтому к снайперам был особый счёт. Удивительно, что этого живым взяли.

Я для себя ещё по дороге решил, что не довезу его до штаба бригады. Умрёт он при попадании «шальняка» или при попытке к бегству. Один чёрт, всё, что мог рассказать, уже рассказал.

Это только в кино языка[15 - Язык – в жаргоне работников силовых ведомств (армии, разведки, контрразведки) так называют пленного, захваченного с целью его последующего допроса и, возможно, перевербовки.] убеждают рассказать известные ему сведения, строят всякие психологические ловушки, ломают идеологически. А в реальной жизни всё проще. Все зависит от фантазии, злости и времени. Если времени нет, а информация нужна, то из автомата отстреливаешь ему пальцы на ногах, по одному, по очереди. Нет ни одного человека, кто бы выдержал подобное. Всё расскажет, что знал и помнил. Что кривишься? Это правда войны… Наливай!

Серёга видел, как в уцелевшем глазу капитана плещется ярость и боль за погибших товарищей.

– В общем, пошли забирать снайпера. Смотрим, возле подвала, где его держали, собралась толпа что-то шумно обсуждающих бойцов. Подходим, видим танк, а на его пушке, на удавке, висит тушка снайпера. Комбат, естественно, начал орать на бойцов, типа кто это сделал. Бушевал, распинался, но я-то видел, что он не осуждает бойцов и весь этот цирк устраивает для меня.

– Ну что, – говорю комбату, – снимай висельника, запишем в боевом донесении, что он самоповесился. Покончил, сука, свою поганую жизнь самоубийством, не вынеся мук совести.

Мы пополнили боезапас и двинули обратно. Разведчики из первого батальона пошли проводить, и повели нас не по верху, как мы шли, а подвалами, через завалы и щели. Минут через тридцать сержант, возглавлявший группу сопровождения, сказал, что дальше подвалами дороги нет и нам до БМП придётся добираться самим. Ну, самим так самим.

До «коробочек» мы добрались без приключений. Забрались на броню и только тронулись, как на нас обрушился шквальный огонь из верхних окон многоэтажки. Головную машину занесло и ударило об угол здания. Она сбросила скорость, а затем и вовсе встала.

Механик кричит:

– Гусеницу сорвало! Твою мать!

Командую:

– Все с брони! Ставь дымовую завесу! Четверо натягивают гусеницу, остальные – в оборону! Два подствольника к бою, остальные – автоматы! Вторая машина – пушку! Начали!

Веришь? Как начинается бой, меня прям азарт охватывает. Ведь в бою какое первое чувство? Страх. Но знаешь, когда его переборешь, ощущаешь себя таким спокойным и могучим, органы чувств обостряются, замечаешь всё вокруг. Голова работает, как хороший компьютер: мгновенно выдает решения, кучу вариаций и комбинаций. Скатываюсь с брони и ныряю за обломками бетонной стены. Мотор в груди стучит, ударов двести. Продышался, восстановил дыхание. Адреналин в крови бушует, азарт закипает… Бойцам приказа дважды отдавать не пришлось. Дёрнули кольцо дымогенератора, и БМПэшка окуталась дымом, укрывая и нас, и машину. Вторая БМП увидела наш манёвр и тоже запустила дым.

Духи заметили, что не получилось скосить с брони пехоту, и начали обстреливать нас из РПГ. Что такое РПГ? Обычный гранатомёт, «шмель» называется, премилая игрушка, есть у него ещё и сестричка – «муха», предназначены они для уничтожения бронетехники противника. Когда такая граната встречается с препятствием, как правило, это броневые листы, она выпускает огненную струю толщиной с иголку, которая прожигает металл и создает внутри бронеобъекта избыточное давление и температуру до трёх тысяч градусов. Естественно, что боекомплект внутри объекта взрывается. После такого взрыва у танков башни отрывает, чего уже говорить об экипаже и десанте – тех вообще в клочья. Сколько ребят погибло, что сидели внутри…

Короче, начали долбить по нам из РПГ. Но дым не давал видеть ни им нас, ни нам их.

Слышу, застучала пушка со второго БМП. Стреляли наугад, в сторону, откуда по нам вёлся огонь. Вдруг там что-то как рванёт! То ли мы попали, то ли гранатомётчик в запаре ошибся?! Не знаю, что там произошло, но Бог в этот день был на нашей стороне. Стрельба со стороны духов прекратилась. Думаю, пока не очухались, надо их зачищать. Командую:

– Семён, Змей, Саня – со мной! Остальные чинят ходовую и прикрывают нас! Если мы не возвращаемся через полчаса, уходите на два квартала на север. Там

ждёте еще полчаса, затем идёте в штаб бригады. На время моего отсутствия старший – сержант Сергеев! Позывные те же! Семён впереди, Саня – левая сторона, Змей – правая! Я замыкаю! Приготовить гранаты! Пошли!

За дымом проскочили в нужный дом и поднялись на третий этаж. Видим, в двух соседних квартирах оборудованы огневые позиции. В одной лежал «готовый» гранатомётчик, в другой – два подростка с пулемётами Калашникова. Обоим лет по тринадцать – пятнадцать. Один наповал, второму оторвало ноги, ещё жив, но уже отходит. Настроение упало на ноль. Конечно, эти духи стреляли в нас и хотели нашей смерти, но совсем ведь ещё дети…

Бойцы отправились прочёсывать подъезд, а я начал ощупывать карманы умершего чеченца. В кармане нашёл военный билет, да не один. Давай смотреть, что там. Читаю: «Морошкин Алексей Петрович, 1975 года рождения». Что-то знакомое. Стал вспоминать: Морошкин, Морошкин… – что-то в памяти зашевелилось. Был у нас такой боец из инженерно-сапёрного батальона, после штурма аэропорта Северный пропал без вести. Листаю дальше – ё-моё! – наша часть… В миг прошло сожаление о душманских подростках и их загубленных жизнях. Осталась только злость, да такая, что зубы судорогой свело. Если надо, я за своего бойца многих готов кончить, жизни своей не пожалеть, лишь бы вернуть его, балбеса, домой живым и невредимым.

Тут с лестницы слышу Семёна, кричит, что на крыше парня нашего нашли. Я бегом наверх. А там… На двух скрещенных досках распят наш боец. Не привязан, а распят. Руки и ноги пробиты гвоздями…

Мои уже возятся у креста.

– Стойте! – ору им, – он может быть заминирован!

Духи часто практиковали такие сюрпризы: заряжали гранатами наших убитых или раненых ребят.

Бойцы остановились. Я подошёл к распятию и стал обследовать тело и сам крест. Худшие опасения сбылись – парень был заряжен. Чеки нет, а граната Ф-1, в простонародье «лимонка», заложена под поясницу парня и прихвачена к кресту скотчем. Приказал бойцам укрыться и занялся гранатой. Прижал рычаг к корпусу, зафиксировал и осторожно отклеил скотч. Всё получилось. Я вытащил

гранату, разогнулся и бросил её с крыши в соседние развалины. Внизу рвануло.

И тут я оступился. Сделал шаг назад и зацепился ногой за крест. Раздался щелчок. Под парнем был ещё один заряд, который встал на самовзвод. Чувство самосохранения заорало мне: «Ложись!» Но как я мог оставить этого парнишку без помощи? Я кинулся к парню, сунул под него руку в надежде успеть зажать рычаг гранаты. Не успел… Парень погиб. Его тело закрыло меня от осколков. Мне посекло лицо, обожгло гортань, глаз. Ну, в общем, сам видишь. Чудом остался жив. Парень на кресте своей смертью спас мне жизнь…

Как меня выносили, не помню. Очнулся в Моздоке уже без кистей рук. Потом год мотали по госпиталям. Вернулся в Хабаровск, ещё полгода ждал протезов, потом учился с ними жить. Затем реабилитация и унизительное привыкание к условиям и реалиям жизни. Запил…

Нелегко смириться с тем, что ты никому не нужный калека. Жена долго терпела, но не выдержала моего пьянства – ушла. Я её не виню, даже наоборот. Детей у нас не было, да и в личной жизни… У нас и до моего ранения не очень складывалось, а тут такое. А она женщина молодая, чего ей с калекой мучиться. В общем, она ушла, а я продолжал квасить. Допился до того, что однажды хотел наложить на себя руки. Уже и ствол в рот сунул, но тут мне вспомнился парень на кресте. И такая злость на себя взяла. Он, умирающий на кресте, жизнь мне подарил, а я…

Короче, пить я бросил. Не то чтобы совсем завязал, но до прежнего состояния больше не напивался. Занялся собой: зарядка по утрам, внешний вид, ну и так далее. Стал искать работу, хотел охранником устроиться. По телефону, пока на встречу договариваешься, всё тип-топ, но как только увидят мои культяшки… Я решил не сдаваться, стал учиться пользоваться протезами, выполнять всё, что умел делать руками до ранения.

Однажды меня пригласили в гости в мою бывшую бригаду. Бойцы стрельбу из нового «грача»[16 - Грач – пистолет ПЯ (пистолет Ярыгина), пришёл на замену ПМ (пистолет Макарова). ПЯ имеет увеличенную обойму на 17 и 18 патронов, способен пробивать бронежилеты невысокого уровня защиты, принят на вооружение российской армии и российских силовых структур.] отрабатывали. Я попросил стрельнуть, отказать постеснялись. Они ведь не знали, что я своими протезами, как руками пользоваться научился. А я к этим «гостям» специально готовился. Нашёл одного рукастого токаря, он мне на протезы приспособы

придумал, специально для стрельбы. Понимаю, звучит дико – безрукий и одноглазый сумасшедший заказал протезы для стрельбы. А я ведь, кроме как воевать, ничего не умею. Стрелять обычным способом мне не доступно, вот я и придумал – стрелять по ощущению. Не понял? Ну в кино про американских ковбоев видел, как они с пояса, не целясь, стреляют? Кино, оно, конечно, и есть кино, но доля правды присутствует. Просто для этого нужно много тренироваться. У меня такой опыт был. Ещё до ранения я мог на звук со спины развернуться и, не глядя, попасть в цель. Не для цирка, просто жизнь заставила.

Короче, токарь смастерил мне приспособу на протез в виде хомута с резиновой прокладкой. Теперь я мог взять любую вещь цилиндрической формы, например черенок лопаты или молоток, а чтобы предмет плотно зафиксировать в руке, приладили винт. Мастер думал, что я для домашнего инструмента приспособу заказал, а я её к «макару» мастерил. Когда закончили, получилось даже лучше, чем я ожидал. Пистолет сидел в протезе, как в станке. Осталось научиться нажимать курок. С этим было сложнее. Ведь на курок пальцем нажимают, а у меня возможность только плечом двигать. Вот я и стал учиться этим крюком, – Андрей кивнул на протез другой руки, – нажимать на спуск. Долго приноравливался, ведь ощущения моторики пальца и предплечья совершенно разные. Месяца два за город ездил, учился стрелять. Патронов извёл прорву. Хорошо, с этим у меня проблем не было, ещё с чеченских командировок нахомячил.

Через месяц стало получаться, а через два – даже очень прилично. Когда почувствовал, что готов, созвонился с бригадой и напросился в гости. Специально подгадал на день занятий в тире. В этот день наши «грача» и отстреливали. Выпросил попробовать новый ствол. Парни не пожадничали, зарядили полную обойму – семнадцать патронов.

Я пристегнул приспособу, зажал рукоятку «грача» хомутом и…

Веришь, я и до этого хорошо стрелял, а тут мне будто руку кто направлял.

Засадил я тогда из семнадцати патронов все семнадцать – копеечка в копеечку. Видел бы ты рожи моих парней, – усмехнулся Андрей, – схватили мишень с результатами моей стрельбы и унеслись к командиру бригады. Уж, как они его уговорили восстановить меня в штате, не знаю. А чего ему это стоило, даже представить не берусь.

В общем, придумали мне должность начальника стрелкового тира и на службе восстановили. Возвращение на службу стало спасением. Я снова ощутил себя полезным. Спасибо ребятам из бригады.

Командир решил меня поднагрузить и предложил, кроме тира, вести занятия по взрывному делу, я согласился. Сначала было тяжеловато, ведь одно дело – живые пальцы, а другое – эти железки, но ничего, стиснул зубы и стал осваивать. Потом привык, втянулся. Там сейчас и копчу.

Времени свободного хватает, начал читать книги по истории наших мест. Вычитал, что здесь, в Тыре, когда-то был построен даосский храм Юнисы[17 - Юниса – древний дух, охраняющий врата Вечного Покоя.] – «Храм Вечного Покоя», вот решил посмотреть.

Андрей недоговаривал: о храме Юнисы он не только читал в книгах, но и слышал в госпитале, в Ростове. С ним в одной палате лежал молодой лейтенант. Парню оторвало ногу. После первой, проведённой ещё в Моздоке операции, у него началось осложнение. Его перевели в Ростов, там сделали ещё несколько операций, но что-то пошло не так, началась гангрена, и ему ампутировали ногу выше колена. Заражение стало распространяться дальше, и его начали готовить к новой операции. Чтобы заглушить страх пред операцией, лейтенант безостановочно говорил.

Найдя в Андрее молчаливого слушателя, он рассказывал о себе, матери-учительнице, деревне Тыр, стоящей в самом красивом месте на земле, таинственном кладе, который уже многие десятки лет ищут в этой самой деревне и её окрестностях, могучей и щедрой реке Амур[18 - Протяжённость Амура – 2824 километра, а бассейн реки находится в пределах трёх государств: России, Китая и Монголии. В переводе со всех этих языков его название означает «Чёрная река», или «река Чёрного дракона». Согласно китайской легенде, в современных географических рамках считалось, что хвост Чёрного дракона находится в Монголии и Даурии, туловище лежит в четырёх российских регионах и одной китайской провинции, две его левые лапы дотягиваются до Станового хребта, а две правые – это реки Уссури в России и Сунгари в Китае, и голова его упирается в Охотское море, «…где он пьёт воду из Татарского пролива».], величественном, полном загадок и тайн Амурском утёсе. Этот утёс с древних времён считается местом силы, и поклониться ему приезжают те, кто хочет изменить свою жизнь. Считалось, что если встать на его край, посмотреть в воду у подножия скалы и загадать желание, то древние духи реки обязательно

исполнят его. Лейтенант мечтал после госпиталя поехать на родину, подняться на утёс, вдохнуть синь амурских просторов и помянуть всех погибших на этой войне. Он умер, не перенеся операцию.

Оставаясь наедине, Андрей часто вспоминал этого парня. Дождавшись очередного отпуска, он решил съездить на родину лейтенанта, вместо него подняться на Амурский утёс и помянуть всех: и его, и своих ребят – тех, кто уже никогда не вернётся домой.

Но была ещё одна причина. После ранения его стал навязчиво посещать один и тот же сон. Ему снилось, что он вернулся на вой ну, только не в Чечню, а древний Китай. Что верхом на коне летит в атаку на пехоту китайского императора, врывается в её ряды и ожесточённо рубится, упиваясь восторгом кровавой сечи. Слышит треск ломаемых копий, костей, хрип умирающих людей и коней. Но самое главное, во сне он ощущал потерянные руки, даже чувствовал боль в кистях, ладонях и пальцах.

В последнее время сны стали приходить чаще. Военный психиатр сказал, что это последствия перенесённой контузии, и рекомендовал взять отпуск, отдохнуть, сменить обстановку.

И ещё… Это было необъяснимо, но Андрея неодолимо тянуло к Амурскому утёсу. Особенно накатывало после «китайских» снов. Желание побывать на утёсе с каждым разом становилось всё сильней и навязчивей.

И вот он здесь. Купив в местном магазинчике бутылку водки, хлеба и набор пластиковых стаканчиков, он неторопливо направился к знаменитому утёсу. Поднявшись по крутому подъёму, увидел старинное крепостное орудие с разорванным стволом.

– Избыточный заряд, скорее всего, диверсия, – профессионально оценил повреждение Андрей.

Старая пушка стояла на бетонном постаменте. Небольшая, позеленевшая от времени латунная табличка гласила, что это орудие является памятником гражданской войны. На литой щеке лафета была нацарапана еле заметная надпись: «Анохинъ предателъ». Наличие буквы «Ъ» говорило о том, что эта надпись сделана давно, возможно, в гражданскую.

Бросив сумку, Андрей поднялся на вершину утёса. Место действительно оказалось величественным. Огромный каменный лоб далеко нависал над рекой. С него открывалась непередаваемая панорама простора могучей реки. Зрелище завораживало. Яркая синь неба, зелень далёких холмов и мощь реки, молчаливо и неудержимо несущей жёлтые воды в далекий Татарский пролив, создавали ощущение невероятного умиротворения и покоя. Когда набегающие облака ненадолго заслоняли солнце, цвет воды Амура менялся, становясь свинцово-серым, угрюмым и грозным.

Андрей где-то вычитал, что своё название река получила от тунгусского «Амар» и маньчжурского «Дамур», языков народов, проживавших на берегах реки. «Амар» и «Дамур» со временем трансформировались в сегодняшнее название «Амур». Вспомнилась и старая маньчжурская легенда…

Когда-то, в незапамятные времена, в реке жили два дракона, Белый и Чёрный. Белый дракон олицетворял зло, Чёрный – добро. Белый дракон топил лодки, мешал людям рыбачить, нападал на всё живое, но добрый Чёрный дракон победил его и остался обитать на дне реки, покровительствуя людям, живущим на её берегах. Китайцы до сих пор называют Амур Хуэйлунцзяном, что в переводе означает «река Чёрного Дракона». И вот что удивительно, несмотря на то что река протекает по территории разных стран и имеет немалую протяжённость, именно к этому утёсу, в несусветную глушь за тысячи километров от столичного Пекина, приезжали высокие государственные чиновники и военные деятели последних трёх правящих династий Китая.

В 1127–1130 годах экспедиция китайского правителя династии Сун возвела на утёсе кумирню[19 - Кумирня – религиозное языческое сооружение, посвящённое одному или нескольким кумирам.], посвящённую древнему даосскому божеству Юнисе. В честь этого события установили памятный знак в виде небольшой стелы из тесаного камня.

Надпись на знаке гласила, что на этом месте основан Храм Вечного Покоя под покровительством великого Юнисы.

Затем, в XIII веке, уже монгольские правители Китая династии Юань также направили сюда экспедицию. Они восстановили почти разрушившуюся от времени кумирню и в 1263 году основали на утёсе «Ставку маршала восточных походов», в знак чего установили ещё одну стелу.

В XV веке династия Мин тоже присылает на утёс экспедицию. Они возводят новый храм и посвящают его божеству Гуань Инь. Что влекло в далёкое, почти пустынное место могущественных правителей?

Андрей стоял на утёсе и смотрел на окружающий его простор.

Всему, что он видел, подходило единственное определение – покой. Хотелось поднять руки к синему небу и восторженно кричать. Он с тоской взглянул на изуродованные протезами руки и тяжело вздохнул:

– Эх! Вернуть бы молодость, силу, руки, начать всё заново.

Набежавшее облако на миг заслонило яркое солнце, причудливая тень пробежала по утёсу, краешком зацепила Андрея и растворилась в обрыве. Ему захотелось проследить за убежавшей тенью.

Он подступил к краю утёса и заглянул вниз. Налетевший порыв тёплого ветерка, едва коснувшись лица, унёсся по своим делам. Тихий шелест волн ласково убаюкивал, голова приятно закружилась, на душе вдруг стало спокойно и безмятежно. Чёрная вода манила. Казалось, сделай шаг – и все беды останутся позади. В висках звонко застучали молоточки, а в голове возник образ седого, смутно знакомого воина в древних доспехах. Он протянул руку и ободряюще улыбнулся:

– Смелее, солдат.

– Наваждение какое-то, – тряхнул головой Андрей, отступая от обрыва, – так и сорваться не мудрено.

Он уже повернулся, чтобы уйти, как под ногами затрещало, и кусок скального карниза, захватывая его с собой, обрушился вниз.

– Как глупо, – успел подумать Андрей и с головой ушёл под воду…

Через два дня за ним пришёл буксир. Его капитан Серёга обыскал окрестности и опросил жителей, но своего пассажира не нашёл. Небольшая спортивная сумка, оставленная возле старой пушки, и непочатая бутылка водки – всё, что удалось

обнаружить. В сумке, кроме нехитрых пожитков, лежал носовой платок с двумя серебряными крестами «Ордена Мужества».

– Похоже, ты нашёл свой «Храм Вечного Покоя», – вздохнул Серёга и бросил боевые ордена капитана во вдруг ставшую чёрной амурскую воду…

Глава 3

Чжень Вань Янь заботливо поправил на груди уснувшего воспитанника сползшее одеяло, приложил ладонь к горячему лбу ребёнка и, горестно вздохнув, тихо вышел из комнаты. Единственный сын штабс-капитана Императорского русского Географического общества, Иннокентия Ивановича Лопатина, тихо угасал.

Три месяца назад он с друзьями бегал на Москву-реку смотреть ледоход. По всей реке, скрепя и потрескивая, ползли льдины. Они толкали и давили друг друга, выворачивая наружу серую, обглоданную изнанку. В ещё прочных заберегах появились проталины.

Андрюха Лопатин и его закадычный дружок Мишка Кравченко швыряли на ледяные поля маленькие ледышки, стараясь метнуть их как можно дальше. Азарт соревнования захватил десятилетних проказников.

Андрюха, стараясь забросить ледышку дальше соперника, с разбегу подскочил к заберегу и со всех сил метнул её по льдине. Инерция потащила его вперёд. Не удержавшись на ногах, он нелепо взмахнул руками и полетел в коварную проталину. Народ на берегу ахнул.

На счастье, недалеко стояла группа студентов. Один из них самоотверженно бросился на помощь. Погрузившись в ледяную воду по грудь, он поймал за шкирку перепуганного мальчишку и вытащил из реки. Андрюхе навесили подзатыльник и отправили домой.

Попадаться на глаза отцу в таком виде не хотелось. Знал, нравоучениями не обойдётся, дело пахло ремнём. Он решил спрятаться за углом соседнего особняка и выждать, пока отец уедет на службу.

Ждать пришлось долго. Одежда уже покрылась ледяной коркой, когда за отцом прибыл экипаж. Шмыгая носом, Андрюха проскользнул в детскую, затолкал мокрую одежду под кровать и натянул на себя сухую.

О происшедшем Лопатины узнали только на следующий день из газет, где рассказывалось о беспримерном поступке отважного студента, спасшего ребёнка. Иннокентий Иванович и предположить не мог, что спасённый ребёнок – это его непоседливый сын.

Гувернантка, обнаружив под детской кроватью мокрую одежду, подняла тревогу. Экстренно вызванный врач померил температуру и с осуждением покачал головой:

– Тридцать девять и два…

Больному прописали постельный режим, гору пилюль и порошков, а для снижения температуры назначили уксусные обтирания. Но ещё через день в груди мальчика появились хрипы и сильный кашель.

Шли дни. Одни доктора сменяли других, лекарства заменялись другими, но мальчик угасал. Опробовали всё: от светил-профессоров с уколами и микстурами до бабок-знахарок с отварами и заговорами.

Сегодня, выйдя из комнаты мальчика, врач обречённо покачал головой. Плотно прикрыв дверь в комнату больного, он с тяжёлым вздохом произнес:

– Извините, уважаемый Иннокентий Иванович, я сделал всё, что мог. Мальчик слаб, у него не осталось сил бороться, а без этого болезнь не победить. Спасти его может только чудо, а это уже не моя епархия. Ему осталось несколько часов. Приглашайте батюшку.

В это время мальчуган глубоко вздохнул и исколотая инъекциями детская ручонка безвольно сползла с одеяла…

Андрей приоткрыл глаза, грудь ломило, легкие разрывал кашель:

– Вот это я приложился. Видимо, о воду, когда сорвался с утёса, – подумал он. – Кто меня вытащил из воды? Надо же, как внутри ломит, – он рефлекторно схватился за грудь и вдруг ощутил, что держится за грудь рукой. Нет, не рукой, а РУКОЙ. Он ощущал грудь ладонью, пальцами…

– Глюки?

Он с удивлением уставился на свои руки. То, что Андрей видел и чувствовал, не имело объяснения.

Он, Андрей Лопатин, тридцати девяти лет от роду, капитан ГРУ, прошедший не одну горячую точку, кавалер двух «Орденов Мужества», на первой чеченской ставший инвалидом, сидел на детской кровати и рассматривал своё тело – тело десятилетнего пацана. Андрей в растерянности огляделся.

Он находился в чисто выбеленной комнате. Тяжёлые портьеры плотно закрывали окна и не пропускали уличного света. Такие же портьеры прикрывали входную дверь. Он откуда-то знал, что их в комнатах вешают не столько для красоты, сколько для шумоизоляции и спасения от сквозняков.

Сквозь щель под дверью пробивалась узкая полоска света, и слышались глухие, бубнящие голоса. На круглом столе, застеленном скатертью в цвет портьер, стояло широкое фарфоровое блюдо, на котором теснились несколько пузатых склянок.

– Микстура, – всплыло в голове.

Вместо привычных таблеток в алюминиевой фольге горкой лежали тщательно сложенные бумажные пакетики. Развернув один из них, Андрей увидел белый порошок, попробовал его на язык:

– Аскорбинка!?

Грудь начал разрывать кашель, казалось, что легкие сейчас оторвутся и вылетят из груди. К гортани подкатила слизь, он сплюнул её на ладонь.

– Крови нет, значит, не туберкулёз, но, судя по хрипу в горле и кашлю, без воспаления лёгких не обошлось. Не смертельно. Как говорил наш бригадный док: «Налегайте на витамины и больше пейте горячее – всё как рукой снимет», – а доку я верю. Душно-то как.

Он подошёл к окну и отдёрнул тяжёлую штору. Яркое солнце ударило по глазам. Прищурившись, он с удивлением уставился на улицу. По мостовой, под неторопливый цокот копыт катил самый настоящий дореволюционный экипаж. В нём восседала дородная, живописно разодетая дама.

– Как в театре, – удивлённо пробормотал Андрей.

Навстречу ей, о чём-то горячо споря и эмоционально жестикулируя, шли два студента. Юноши были одеты в студенческие курточки, а головы прикрывали форменные фуражки. На углу улицы монументом правопорядка, шевеля огромными усищами, возвышался городовой.

– Хм… Экипаж, дама, городовой…

Все эти почти забытые слова привычно всплыли в голове.

– Где я? Кто я?

– Андрей! Андрейка! Сынок! Ты встал с кровати! Мать! Радость-то какая! Скорее! Иди сюда! – восторженно кричал мужчина, стоящий в дверях комнаты. За его спиной показалось заплаканное лицо красивой молодой женщины.

– Сынок! – всплеснула она руками.

– Отец, мама, – отозвалось в голове. – Значит, это не сон. Я в теле десятилетнего пацана, меня зовут Андрей, и передо мной мать и отец. Дела… Похоже, чудеса случаются. Спасибо, Амурский утёс, ты подарил мне новую жизнь, и клянусь, что я постараюсь прожить её, как говорил Павка Корчагин, так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы…

Глава 4

После перенесённой в детстве тяжёлой и продолжительной болезни Андрей сильно изменился. Из хулиганистого, избалованного проказника он превратился в собранного, дисциплинированного гимназиста. Много читал, увлёкся историей России и Китая, упорно изучал языки. Немецкий и французский были обязательными, а на изучении китайского и маньчжурского настоял друг отца Вань.

Борясь с последствиями болезни, Андрей начал усиленно заниматься гимнастикой. Эти занятия не замедлили сказаться не только на здоровье, но и на физической форме. Видя такие перемены в сыне, отец не мог нарадоваться и, потакая его желанию, отдал в военную гимназию. В пятнадцать лет Андрей с отличием окончил её и был зачислен в Московский Кадетский Первый Павловский корпус. Уступив уговорам сына о дополнительных занятиях по стрельбе, сабельному бою и казацкой рукопашной борьбе, отец пригласил Василия Ивановича Федосова.

Хорунжий Федосов был известной личностью, особенно в казачьих кругах, а о его владении саблей ходили легенды. Ещё в молодости Федосов познакомился с польским гусаром[20 - Гусары – легкая кавалерия, элитный род войск. На службу в гусарские полки принимались только дворяне. Польские гусары не были исключением. Среди польского дворянства виртуозное владение саблей считалось не только нормой, но и визитной карточкой рода; секреты владения оружием и различные фехтовальные финты считались родовой тайной и передавались либо по наследству, либо дарились близкому другу.]-забиякой и записным бретером[21 - Бретер – умелый фехтовальщик, дуэлянт, как правило, хладнокровный убийца. Бретеров часто использовали для выполнения деликатных поручений. Яркими представителями бретеров были Д'Артаньян и его друзья мушкетёры.]. Поговаривали, что он убил на дуэли какого-то важного господина. Учитывая происхождение и связи, ему заменили каторгу на поселение в Сибири.

Гусар изнывал от скуки, а молодой казак напоминал ему себя в юности, и он взялся за обучение Васьки Федосова воинской науке. Поляк оказался не только лихим рубакой, но и хорошим учителем, а молодой казак – способным и благодарным учеником.

Через несколько лет судьба разбросала их. Гусар, отбыв срок, вернулся на родину, а Федосов записался добровольцем на Дальний Восток, в сотню разведчиков-пластунов[22 - Пластуны – подразделение казачьей разведки, аналог современного армейского спецназа. Многие приёмы рукопашного боя пластунов были включены в наставления по боевому самбо и до сих пор используются при подготовке бойцов отрядов специального назначения.]. Дослужившись до чина хорунжего, он принял предложение Иннокентия Ивановича возглавить охрану экспедиции.

Полтора десятка лет пролетели как один день. Подошло время отставки. Семьёй он не обзавёлся, и предложение командира переехать в Москву и заняться обучением младшего Лопатина казацкой науке принял с суровым достоинством.

Окружающие не догадывались, что Федосов тянет с отставкой не из служебного рвения. У него давненько пошаливало здоровье. Уже пару лет как он хотел бы уйти в отставку, но всё пыжился и крепился, правдами и неправдами цепляясь за службу. Настоящая причина крылась в другом – ехать было некуда. Ещё в юности у него не заладились отношения с родственниками. Произошла крупная ссора с отцом. Тогда, в горячке спора, он поклялся, что никогда не вернётся в отчий дом. Отец давно умер, но фамильное федосовское упрямство не позволяло ему вернуться в родную станицу. И когда подошло время оставить службу, он впал в раздумья, где приклонить голову на старости лет. Поступившее от Лопатина предложение стать военным наставником его сыну он встретил с облегчением и искренней благодарностью.

Ветеран подошёл к делу основательно.

Несмотря на малый возраст барчука, гонял его, как казака-новобранца. Неудивительно, что к девятнадцати годам его воспитанник не только превосходил сокурсников по выносливости и физической форме, но и мог дать отпор и опытным служакам, особенно в сабельном бою.

Среднего роста, жилистый, он отличался стремительностью и цепкостью рук, а ежедневные тренировки в стрельбе из револьвера позволили добиться поразительных результатов. С тридцати шагов, по заказу, он попадал в любую половинку игральной карты. А уж из подаренного дедом штучного карабина германской фирмы «Браунинг» мог на равных соревноваться с самим хорунжим.

Всё свободное от учебы время Андрей проводил со старым казаком. Федосов снисходительно называл подопечного Андрюхой и безжалостно гонял его, вбивая в смышлёную голову воспитанника казацкую науку.

– Чтобы мозги жиром не заплывали, – любил говаривать ветеран, наблюдая, как Андрюха бегает по манежу с мешком песка за плечами.

С годами песка в мешке становилось больше, а бег подопечного дольше. Особенно доставалось во время летних поездок к деду. Ежедневные физические занятия верховой ездой, казацкая крутка шашками, фехтование на польских саблях, метание ножей, стрельба – вот неполный перечень того, что приходилось выполнять Андрею.

За год до окончания кадетского корпуса с ним приключилась занятная история. Юнкеров на месяц распустили по домам. Отец был занят. Сидеть летом в пыльной Москве не хотелось, и Андрей с Федосовым поехали к деду, гусарскому бригадиру в отставке. Дед владел небольшим поместьем под Тулой.

Старик был общительным и хлебосольным, поэтому у него постоянно кто-то гостил. Вот и в тот раз к нему приехал бывший сослуживец, и не один, а с младшим сыном. Молодой человек только что окончил кадетский корпус, получил первый офицерский чин и готовился к службе в гвардии.

Старые друзья, «набросив на грудь» коньячку, решили померяться удалью. Заспорили, кто лучше стреляет. В десяти саженях от стола в землю воткнули деревянные шесты и повесили на них глиняные горшки. Принесли два самовзводных револьвера. Совмещая дегустацию «Шустовского»[23 - «Шустовский» – дорогой марочный коньяк. Разливался на коньячном заводе русского купца Н. Л. Шустова.] с состязанием в стрельбе, стали палить по мишеням, но скоро им это надоело, и они начали искать новую забаву. Дед предложил провести соревнование по стрельбе между сыном гостя и своим внуком. Гость живо согласился. Он был уверен в результате и честно предупредил, что его сын неоднократно брал призы за стрельбу из револьвера. Это только подогрело старого гусара. Торжественно расправив усы, он выдал пафосную тираду:

– Если твой сын выиграет, то урона чести моему внуку не будет, а если Андрей победит, то вкус победы ему в будущем не повредит.

На том и порешили… В качестве приза дед выставил охотничий карабин с цейсовским[24 - Цейсовская оптика – оптика производства германского промышленника Цейса, которая до сих пор считается эталоном качества среди аналогичного оборудования.] оптическим прицелом, недавно привезённый ему из Германии.

Молодой офицер решил дать Андрею фору, но тот отказался. Более того, предложил увеличить дистанцию стрельбы до пятнадцати саженей[25 - Сажень – старорусская единица измерения, 182,88 см.; 15 саженей – 27 метров 43 сантиметра.]. Для данных револьверов это было предельное расстояние.

Гостю было жаль юнкера, но отказ от состязания мог нанести урон его собственной чести, и он принял условия.

Вешки установили на оговоренную дистанцию и повесили на них горшки.

Кинули жребий. Первым выпало стрелять гостю. Расстреляв барабан, он с удовлетворением опустил ствол. Все пять выстрелов попали в цель.

Настал черед Андрея. Но он так же уверенно поразил все мишени.

Азарт охватил уже прилично набравшихся спорщиков. Чтобы усложнить задачу, решили на горшки поставить водочные рюмки. Победителем считался тот, кто сначала собьёт все рюмки, а только за тем уже сами горшки. Если стрелок прежде рюмок разобьёт горшок, он должен прекратить стрельбу.

Корнет снова стрелял первым. Удачно сбив две рюмки, он расслабился, рука дрогнула, и очередной выстрел вместо рюмки разнёс горшок, на котором она стояла.

Настала очередь Андрея. Он попросил у своего визави второй револьвер. Зарядил оба и, взяв по пистолету в каждую руку, посмотрел на деда.

Тот поощрительно кивнул. То, что произошло дальше, привело гостей в изумление. Скромный юноша вдруг стал собранным и сосредоточенным. Он полуприсел, слегка развёл локти в стороны и открыл огонь одновременно с двух рук. Грохот стрельбы слился в один непрерывный треск. Рюмки брызгами

разлетались одна за другой. Так же быстро были разбиты горшки. Десять выстрелов – десять мишеней.

Дед радостно вскочил со стула и кинулся к внуку. Растроганно обнял его, а потом долго и с чувством тряс руку старому казаку. Василия Ивановича усадили рядом с хозяином дома и налили «победную». Дальше внимание застолья переключилось на ветерана. А честно заработанный приз отправился с Андреем в Москву.

С тех пор прошло несколько лет. Андрей окончил кадетский корпус и получил первое офицерское звание. Когда пришло время выбирать место службы, он подал прошение о направлении его в Императорское русское географическое общество. Первым назначением стала поездка на Дальний Восток в составе экспедиции, которую возглавлял капитан Лопатин. О том, что отец приложил к этому руку, Андрей догадывался, но возражений не имел и противиться не стал.

Вернуться на Дальний Восток и прикоснуться к тайне Амурского утёса было его давней и сокровенной мечтой…

Глава 5

Поезд Москва – Владивосток сбавил ход. Покачиваясь и скрипя железом колёсных пар, он приближался к конечному пункту назначения. Андрей оправил несуществующие складки на новенькой форме и направился в соседнее купе. Там его ожидал отец и друг семьи китаец Вань. Друзья удобно расположились на мягких диванах, пили чай и о чём-то беседовали.

– Разрешите?

– Заходи, заходи, – улыбнулся отец.

– Чай будешь? – кивнул на стол Вань.

– Не откажусь.

– Осторожно, горячий, – предупредил отец.

– Бери сахар и лимон, – добавил Вань.

– Спасибо, – улыбнулся Андрей, наблюдая, как старый учитель подвигает к нему блюдечко с нарезанными дольками лимона.

– Давай, налегай. Чай не пил – какая сила? Чай попил – совсем ослаб, – пошутил китаец.

Долгая дорога подходила к концу. Натруженное железо рельсов жёстко и надсадно скрежетало под колёсами запыленного железнодорожного состава. За поворотом показались очертания Владивостока.

– Пора складывать вещи, – поднялся отец, – подъезжаем.

Андрей вернулся в купе, собрал вещи и в ожидании остановки присел на диван. За закопченным окном жёлто-зелёный приморский пейзаж сменился мельканием зданий. За ними показалась гигантская поленница дров и перекрыла весь вид. Но вот она закончилась, и на небольшом одноэтажном здании мелькнула вывеска «Седанка». Следом проплыл беленький домик станционного обходчика и потянулась череда городских дач.

Раздался протяжный гудок паровоза, и пассажирский состав, огибая берег Амурского лимана, устремился к дымящему многочисленными трубами городу. Впереди показалась бухта Золотой Рог. Хоть и считалось, что Владивосток находится на одной широте с Ниццей и Флоренцией, но свежий ветерок и остатки заблудившихся в бухте льдин говорили о недавно прошедшей здесь неласковой зиме.

Подвинувшись к окну купе, он с большим интересом разглядывал хорошо узнаваемые очертания родного, но совершенно неизвестного города.

Владивосток пробуждался от зимней спячки. Живописная панорама морских лиманов, бухты Золотой Рог и собравшихся в ней кораблей притягивала и завораживала. Вот лениво покачивается у причала ледокол «Надёжный». Оттрубив зимнюю вахту, он остался безработным и теперь отдыхал до

следующего ледостава. На чистой воде рейда виднелась громада транспортного судна добровольческого флота «Херсон». Чуть мористее расположились скуластые глыбы военных кораблей. Выкрашенные в викторианские цвета[26 - Викторианский цвет на флоте – белый корпус с желтыми трубами. Родоначальник такой раскраски – Англия, отсюда и название – викторианская. Флоты многих стран, в том числе и России, не избежали подражательству «Владычице морей», как себя называли англичане.], они выделялись на ослепительно сияющей глазури волн Восточного Босфора, как нарядные барышни на променаде.

– Что ж вы корабли как попугаев раскрасили? – с осуждением подумал Андрей, – не корабли, а мишени. В море белые корпуса и жёлтые трубы видны за двадцать миль, стреляй – не хочу. В серый цвет нужно красить! В серый! Ну да сами разберётесь, когда жареный петух в одно место клюнет. Переубеждать бесполезно, – вспомнил он недавний спор с соседом по купе, молодым и горячим флотским офицером.

Вагон, громыхнув стальными катками, резко качнулся, сбивая Андрея с мысли о кораблях. Колёсные пары рвано застучали на стыках переводных стрелок, и запылённый микст[27 - Микст – поезд со смешанным составом из вагонов разного назначения.], полмесяца назад покинувший Москву, окунулся в прохладную синеву морских лиманов. Паровоз катил к вокзалу, свистом паровозного гудка возвещая дальневосточную столицу о своём прибытии.

Проводники начали обходить вагоны, собирая чаевые и рекламируя местные гостиницы:

– Дамы и господа! Не стоит спешить. Поезд дальше не идёт! Конечная.

Рекомендуем гостиницы для приезжих: «Тихий океан» с хорошей ресторацией, женским хором и тропическим садом, гостиница «Европейская» с цыганским пением и приличной кухней, номера «Гамартели» с оркестром румынских скрипачей…

Поезд ещё раз качнулся и заскрипел тормозами. Приехали.

Владивосток – конец и начало Великой России. Как там говорил классик: «А дальше только океан, великий и грозный, по ошибке названный Тихим».

Хорошо сказано, и как точно…

Глава 6

Первым на перрон спустился Иннокентий Иванович, за ним, с любопытством оглядываясь по сторонам, появился Андрей. Поправив на плече ремень дедовского карабина и крепко сжав в руке дорожный саквояж, он решительно ступил на дальневосточную землю. В багаже, кроме личных вещей, лежал ещё один револьвер и несколько коробок с патронами.

По штату Андрею был положен только один револьвер, но Василий Иванович рекомендовал захватить к нему пару.

– Привычный карабин с оптикой тоже не будет лишним, – напутствовал старый казак, а Андрей спорить по этому поводу и не собирался.

– «Запас карман не тянет», – вспомнил он хомяческую поговорку и положил карабин к вещам, приготовленным в поездку.

– Дай бог, не пригодится, но пусть будет, – провожая Андрея, ворчал старый казак.

Сам хорунжий поехать с ними уже не мог – возраст.

Иннокентия Ивановича, как руководителя экспедиции, встречали.

– Подпоручик Морозов! – лихо, бросив два пальца к козырьку, представился встречающий офицер, – господин капитан, мне поручено встретить вас и помочь устроиться. Смею порекомендовать: недалеко от центра есть небольшой двухэтажный особнячок, хозяйка содержит дом в превосходном состоянии, постояльцев принимает на полный пансион, за проживание берёт по-божески. Если не возражаете, можно посмотреть прямо сейчас.

– Не возражаю, – кивнул старший Лопатин, – а что генерал-губернатор? Когда я могу попасть на аудиенцию к Его Превосходительству?

– Сегодня воскресенье, у вас свободный день. Располагайтесь, отдыхайте, а завтра к полудню вас ждут в приёмной генерал-губернатора.

– Отлично!

Иннокентий Иванович хотел поднять с перрона багаж, но подпоручик вежливо остановил его:

– Вещи возьмут казаки, а вас и ваших сотрудников прошу следовать за мной.

Рослые казаки подхватили багаж и, раздвигая толпу встречающих, двинулись на выход. Возле здания вокзала их ожидали две пролётки и казак с лошадьми. В одну уселись пассажиры, в другую погрузили дорожные чемоданы. Подпоручик и сопровождение поднялись в сёдла. Тронулись.

После утомительно однообразного, если не сказать унылого путешествия Владивосток поразил Андрея шумом и суетой. Вокруг клубилась разноцветная толпа встречающих. Среди них, артистически лавируя, шныряли подростки с пачками местной прессы. Завлекая народ купить у них свежие новости, они громко выкрикивали заголовки, снабжая их яркими эпитетами и не детскими прибаутками. Стайка барышень-гимназисток бросала кокетливые взгляды на только что прибывших молодых мичманов. Те, чувствуя внимание юных особ, пыжились, изображая бывалых морских волков. По улицам, обгоняя друг друга, куда-то спешили домохозяйки и рабочие, барышни и студенты. Кругом сновали торговцы, китайцы, корейцы, японцы. Всюду слышалось:

– Капитана, ходи, покупай! Мая дёсево продовай! Мая луци товара, обману нету!

– Настоящий калейдоскоп, – подумал Андрей, с интересом разглядывая окружающий его такой знакомый и в то же время чужой город.

Старший Лопатин увлечённо рассказывал о Владивостоке:

– Обрати внимание, город расположен на скалистых холмах, поэтому и улицы его скачут вверх-вниз. И так – до самых окраин. Там течёт небольшая речушка. Местные влюблённые называют её «речкой объяснений», потому что почти в любое время там можно встретить какую-нибудь отчаянную парочку.

– Почему отчаянную? – заинтересовался Андрей.

– Если бы ты видел тех слепней[28 - Слепень – крупный овод.], что на этой речке водятся, то понял бы, – усмехнулся Иннокентий Иванович, – их там столько – не продохнуть. Не жалят – живьём грызут. Несмотря на это, у местной молодежи считается добрым знаком объясняться в чувствах на берегу именно этой речки.

Улица пошла в подъём, и с высоты экипажа открылась завораживающая панорама на слепящую бирюзу воды Золотого Рога.

Экипаж свернул в проулок и остановился возле аккуратного двухэтажного особнячка. Хозяйка, увидев из окна подъехавших гостей, вышла на крыльцо.

– С приездом! – радушно поздоровалась она и пригласила в дом.

С виду небольшой особнячок оказался довольно просторным. Гостям предложили три комнаты на втором этаже. На первом размещалась столовая, кухня, жильё хозяев и кухарки. Место понравилось.

– Лучшее – враг хорошего, – пошутил Иннокентий Иванович, – остаёмся. Казаки занесли багаж. Подпоручик, убедившись, что его помощь больше не нужна, вежливо откланялся.

– Отобедать не желаете? – После надоевшей пищи вагона-ресторана предложение хозяйки отобедать по-домашнему было встречено гостями с воодушевлением.

Кухарка расстаралась, и квартиранты, довольные сытным обедом, разбрелись по комнатам. Старший Лопатин решил прилечь с дороги, а Вань засобирался посетить Миллионку – так в простонародье прозвали одну из достопримечательностей Владивостока, где ещё со времён строительства города стихийно возник китайский квартал. Там располагалось невероятное

количество китайских магазинчиков, мелких лавок, парикмахерских и бань… Когда-то один из перенаселённых домов на Семёновской улице получил прозвище «Миллионный двор». Это ироничное название прижилось, и со временем весь квартал стал называться Миллионкой.

Вань соскучился по родной атмосфере, царившей в китайском квартале: она напоминала ему о Китае и давно покинутом доме. Кроме того, он надеялся встретить знакомых, поговорить с земляками, послушать последние новости из Поднебесной. Андрей вызвался сопровождать его и, сменив форменный мундир на гражданский костюм, присоединился к учителю.

Экипаж неторопливо катил по мощённой камнем мостовой, и Андрей, с наслаждением откинувшись на мягком сидении, рассматривал проплывающий мимо город…

В глазах пестрело от множества вывесок: массажисты, бани, аптеки, банки; продажа велосипедов, колбас, пряников, пирожных, корсетов, унитазов, роялей; всевозможные классы – танцевальные, гимнастические, фехтовальные. Близ пролетарских слободок гуляли мастеровые парни. Приладив к картузам букетики полевых цветов, они азартно «рвали меха» тальянкам. На углу элегантные инженеры-путейцы ловко подсаживали в коляски хохочущих дам.

И куда ни глянь, всюду – матросы, матросы, матросы… Эти ходили косяками, грызли семечки и оценивающе постреливали глазами в сторону выдающихся форм господских кухарок и расфуфыренных горничных.

Пролётка остановилась.

– Прибыли, господа хорошие, Миллионка!

Глава 7

Китайский квартал встретил приезжих такой же суетой, но здесь чувствовалась своя, особая атмосфера.

Большую часть многотысячного населения Миллионки составляли китайцы. Но там же уживались и русские, и корейцы, и кавказцы, и евреи, и множество других разных народов. Круглые сутки этот гигантский людской муравейник шевелился, стряпал, торговал, воровал, занимался разными ремёслами, наполняя округу тысячами запахов и звуков. Кучи отбросов, выгребные ямы, забегаловки и опиумокурильни издавали неповторимый запах трущоб.

Обитатели Миллионки могли годами не появляться на улицах «Белого города», всё необходимое для жизни находилось под рукой.

Базар, шумевший на берегу залива, снабжал весь этот «чайнатаун» пищей. Цирюльники, прачки и лавочники помогали поддерживать внешний вид, врачи приходили на помощь недужным. Игорные заведения, опиумокурильни, дома терпимости и китайский театр обеспечивали досуг. Жизнь «города в городе» была колоритной и по-своему интересной.

Запахи, местная экзотика, одежда прохожих – всё говорило об азиатской особенности этого места. По лабиринтам узких улиц, переулков, переходов безостановочно сновали люди. С разных сторон слышались пронзительные выкрики чумазых продавцов, предлагающих батат, кукурузу и куриные лапки, запечённые тут же, на углях передвижной жаровни. Грохот тележек, хлопанье дверей, бряканье посуды и шумная перебранка товарок сливались в сплошной фон.

Дома по всей округе топились углём. Многочисленные печные трубы выбрасывали в небо сизый дым. Влажный морской воздух тут же прижимал его к земле, и поэтому на всём, что только можно было увидеть вокруг – стенах зданий, вывесках, тележках, лежал толстый слой угольной сажи. Она так въелась в кожу, что жителей Миллионки можно было назвать «копчёными».

В мусорных кучах, сваленных прямо возле домов, нагло хозяйничали здоровущие крысы. А в людской толчее шныряли тёмные личности с цепким взглядом и ловкими руками.

После светлых улиц центра Владивостока окружающая обстановка создавала ощущение чужой реальности.

Ваня ничуть не смущали ни какофония неприятных звуков, ни букет откровенно неприличных запахов. Уверенно лавируя в толпе, он направился в глубину квартала и, покружив по проулкам, вынырнул на тихой, почти безлюдной улочке. По его довольному лицу стало понятно – нашёл…

Они стояли перед двухэтажным зданием с четырьмя красными бумажными фонарями. Фонари над входом означали, что в помещении располагается едальня, а их количество указывало на статус заведения. Четыре – соответствовало ресторану.

– Интересно, куда старик меня притащил?

Вань направился ко входу и уверенно потянул ручку массивной двери. Над головой раздался мелодичный звон колокольчиков, сообщая о новых посетителях. Андрей вежливо пропустил учителя вперёд и вошёл следом.

Ресторанчик оказался небольшим, но уютным. Тонкий сандаловый аромат тлеющих курительных палочек, позолоченная статуя Будды, интерьеры, украшенные лотосами и драконами, выдавали в заведении китайскую принадлежность.

– Где присядем? – довольно потирая руки, поинтересовался Вань.

– Да мне всё равно, – пожал плечами Андрей.

– Тогда давай вон за тот столик.

Не успели разместиться, как появился предупредительный официант. Заказали чай. Ждать долго не пришлось. По китайским обычаям распитие чая являлось целой церемонией с набором специальной посуды и ритуалом. Чай подавался на специальной, искусно расписанной доске с бортиками. На ней стоял небольшой глиняный заварник и две маленькие, буквально на один глоток, пиалы. Официант наполнил одну из них и вылил обратно в заварник. После этого следовало дать чаю отдохнуть. Через пару минут Вань пригубил напиток и довольно откинулся на мягкие подушки дивана.

– Хорошо… Любезный, – перешёл Вань на китайский язык, – а кто сейчас является хозяином этого ресторана? Не господин ли Чо?

Официант почтительно склонил голову.

– Так! – обрадовался Вань, – передай хозяину, что его желает видеть давний знакомый.

– Что-нибудь ещё, господин?

– Пока нет.

Официант удалился.

– Ты знаком с хозяином ресторана?

– Знаком – это мало сказано. Когда-то я частенько сюда заглядывал. Правда, давно, лет десять назад.

К их столу подошёл невысокий сухонький китаец.

– Господин Чо!

– Господин Чжень!

Судя по тому, с какой теплотой хозяин ресторанчика и Вань жали друг другу руки, встреча была приятна обоим. Завязался разговор. Вспоминали старые времена и общих знакомых. Не добрым словом помянули Японско-Китайскую войну, появление бесчисленного количества хунхузских[29 - Хунхуз в переводе с китайского языка – краснобородый. Так назывались члены организованных китайских банд, действовавших на территориях Маньчжурии, Кореи и Северного Китая и отличавшиеся исключительной жестокостью. Это прозвище закрепилось за ними за привычку маскировать свои лица красными или оранжевыми накладными бородами.] шаек, опиумные войны и миграцию китайского населения. Говорили о строительстве железной дороги. О болезнях и старости, о том, что раньше люди были добрее, женщины красивее, а правительство умнее. В общем, обычные темы двух стариков.

Андрей заскучал и стал разглядывать посетителей ресторана. Его внимание привлёк китаец, сидящий в дальнем углу зала. Немолодой, хорошо одетый, точнее богато, но повадки и манеры явно не соответствовали одежде.

– На «братка» из девяностых похож, – подумал Андрей.

Этот посетитель вызывал у него неприятное беспокойство.

– А это ещё что? – нахмурился он, перехватив полный ненависти взгляд, брошенный незнакомцем в сторону Ваня.

– Знаю я этот взгляд, похоже, учитель где-то крепко насолил этому мужику. На всякий случай нужно подстраховаться.

– Где у вас туалет? – негромко поинтересовался он у официанта.

– Туда, пожалуйста, – указал тот в конец зала.

За нарядной шторкой обнаружился узкий коридор, заставленный коробками, а за ними дверь на улицу. Судя по глубоким царапинам на стенах, этот вход использовался для загрузки продуктов и выноса отходов.

Узнав, что требовалось, он вернулся в зал ресторана. Беседа старых друзей была в разгаре. Андрей вздохнул и присел на диван. Прошёл час. Закончился очередной чайник – к этому времени были перемыты кости всем общим знакомым. Но, к счастью для Андрея, затянувшаяся встреча уже утомила обоих, и они, довольные друг другом, стали прощаться.

Подозрительный посетитель тоже засобирался. Пока старые приятели трясли друг другу руки, он торопливо расплатился с официантом и вышел на улицу. Андрей решил проследить за ним. Попросив Ваня на минуту задержаться, направился в сторону туалета. Уже знакомым путём он выскользнул на улицу и осторожно выглянул за угол. Как он и предполагал, «браток» шептался с двумя подозрительными «фикусами».

– Похоже, нас ожидают неприятности, а я не взял оружия. Возвращаясь в ресторан, Андрей заглянул в одну из подсобок. На стеллаже стояла открытая

коробка с деревянными палочками для еды.

– На безрыбье и рак – рыба, – подумал он и сунул несколько штук в карман.

Вань глянул на часы:

– Уже поздно! Пора домой!

– Пора так пора.

На Миллионку опустились сумерки. И до этого не многолюдная улочка опустела.

– В этой кладбищенской тишине придавят – пикнуть не успеешь, – подумал Андрей.

Предчувствие его не обмануло. Из переулка выглянула и тут же исчезла голова.

– Чтобы добраться до извозчика, нужно пройти метров триста – пятьдесят. Уже стемнело, идти придётся подворотнями. Скорее всего, там на нас и нападут. Если это простые уличные шпыни, есть шанс прорваться. Сколько их может быть? Двое-трое, ну максимум четверо, наверняка решат, что на старика и молодого франта – за глаза хватит. Лишь бы у них не оказалось ствола, а там поглядим…

Двинулись. Вань ещё находился под впечатлением встречи с земляком и увлечённо рассказывал про Миллионку.

За спиной осталось больше половины пути, когда из темноты проулка выступили две мрачные личности и, не скрывая намерений, двинулись наперерез. В их руках тускло блеснула арматура. Андрей толкнул учителя к стене ближайшего здания и шагнул бандитам на встречу.

Тот, что шёл впереди, решил с ходу убрать неожиданную помеху. Стальной прут уже летел Андрею в голову, но он развернул корпус и ушёл с линии атаки. Бандит, вложивший в замах всю дурную силу, промахнулся. В лицо пахнуло кислым запахом немытого тела и сивушным перегаром. Нападавший попытался остановиться, но инерция тяжёлого прута потащила его вперёд.

Этим нельзя было не воспользоваться, и Андрей с силой вогнал палочки для еды в ключицу бандита. Тот дико взревел. Андрей перехватил его за руку и толкнул под ноги второму нападающему. От резкой боли раненый выпустил арматуру и, согнувшись пополам, вцепился в ноги подельника. Оказанное сопротивление стало настолько неожиданным для второго бандита, что он замер с поднятым над головой прутом. И тут же поплатился за заминку. Андрей бросился к нему и с ходу врезал кулаком в кадык. Выронив из рук металлический прут, уголовник захрипел и, выпучив глаза, осел на землю.

– Здоровый бугай.

От перекрестка, тяжело дыша, бежали ещё двое.

– Теперь посмотрим кто кого.

Андрей поднял с земли арматуру и, примеряясь, крутнул её в руке:

– Тяжёлая железяка.

Один уже был рядом и, перехватив арматуру, как копьё, ткнул ею Андрея в грудь. Тот скользнул в сторону, пропустил мимо себя нападающего и, разгоняя руку с арматурой, обрушил её на бандитское плечо. Громко хрустнула ключица. Бандит охнул, зашатался и… видимо, болевой шок был настолько сильным, что он потерял сознание и рухнул к ногам Ваня.

Четвертый шпынь, видя скорую расправу над подельниками, развернулся и кинулся прочь.

– Верное решение, – Андрей развернулся к учинённому побоищу. – Поглядим, что тут у нас?

На земле лежали три бандюка. Двое живы, но с ними в ближайшее время не поговоришь. Третий, раненный деревянными палочками, тихо скулил. Андрей развернул его к себе:

– Кто вас нанял?

Раненый презрительно скривился.

– Не хочешь говорить? – Андрей взялся за торчащие из ключицы бандита палочки. Уголовник, превратившийся из охотника в жертву, взвыл.

– Кто вас нанял?

Уголовник попытался вывернуться, но твёрдая рука тут же придавила его к земле. Кривясь от боли, он прохрипел:

– Не знаю. Я его раньше не видел. Дал денег. Сказал, старика китайца, который выйдет из ресторана, надо завалить. Ещё сказал, если дело не сделаем, с нас спросит «Белый Лотос».

– Кто такой «Белый Лотос»?

– Скоро узнаешь, теперь он сам тебя найдет, – злорадно прошипел бандит.

Темнота стремительно опускалась на безлюдный переулок.

– Пора уходить, пока дружки этих не набежали или, что ещё хуже, полиция не нагрянула. В любом случае торчать тут ни к чему. Не исключено, за нами сейчас наблюдают. Вероятность, конечно, небольшая, но бережёного бог бережёт, а это значит – на квартиру сразу ехать нельзя…

Схватка закончилась так быстро, что оторопевший от неожиданности старый археолог не успел испугаться.

– Почему они напали на нас? Они живы?

– Живы. Что им сделается? Вон какие лоси. Помял их, конечно, но не смертельно – оклемаются.

– Нужно вызвать врача.

– Нет, учитель! С врачом разберутся без нас. Уходим! Если дружки этих, – Андрей кивнул на лежащие на земле тела, – приведут подмогу, то нам с тобой никакие врачи не помогут.

Он схватил за руку Ваня и потащил прочь. До многолюдной улицы проскочили на одном дыхании. Дальше приняли чинный вид и смешались с толпой. А вот и пролётка. Усадив Ваня в экипаж, Андрей вскочил следом и нарочито громко обратился к кучеру:

– Любезный, лучшую гостиницу для уважаемого купца покажешь?

Возница, почуяв клиента, приосанился:

– «Люксовые номера Чурина» подойдут?

– Валяй! – вальяжно разрешил Андрей.

– Сей момент, барин! – отреагировал кучер и, виртуозно подхватив вожжи, крикнул: «Не извольте беспокоиться! Доставлю в лучшем виде! Но! Пошла, родимая!»

Через полчаса пролётка с шиком остановилась возле сверкающего огнями помпезного здания. О том, что эта гостиница не из дешёвых, говорила и вычурная архитектура, и множество гипсовых скульптур на фасаде.

Роскошные стеклянные двери с золочёными ручками и таким же окладом стерёг швейцар, облачённый в настолько навороченную ливрею, что ему позавидовал бы самый раскрученный кутюрье двадцатого столетия.

Хозяин прикида тоже был изрядно живописен. Гренадёрское телосложение, огромные, по-щегольски закрученные вверх седые усы и генеральские бакенбарды олицетворяли надёжность и респектабельность заведения.

– Приехали, господа хорошие! – натягивая вожжи, сообщил кучер.

Щедро расплатившись за проезд, Андрей подхватил Ваня под руку и чинно проследовал в гостеприимно распахнутые двери. Неторопливо пройдя

вестибюль, они направились в ресторан. А там услужливый официант, получив серебряную полтину, проводил их к чёрному входу…

Ещё через несколько минут они оказались с противоположной стороны здания и наняли новый экипаж. По дороге Андрей несколько раз проверялся и, убедившись, что слежки за ними нет, принял решение ехать домой.

Иннокентий Иванович, не перебивая, выслушал рассказ сына. Одобрительно похлопал его по плечу и тяжело вздохнул:

– Ты стал совсем взрослым, – а про себя подумал, – пригодилась учёба хорунжего: и сам живым остался, и старого Ваня уберёг. Надо же, один справился с четырьмя отморозками, а спокоен, будто каждый день бандитов по улицам арматурой гоняет. Чего носы повесили? – улыбнулся он, – о сегодняшнем инциденте я доложу генерал-губернатору. Думаю, Николай Иванович нас не выдаст. Давно его знаю – добрый служака, и шушеру эту бандитскую на дух не переносит. Но вот что делать с тобой, Вань? Кто мог захотеть твоей смерти? А? Андрей говорил, что видел в ресторане какого-то странного китайца. Сколько, говоришь, ему лет? Сорок пять – пятьдесят?

Андрей кивнул:

– Где-то так, может, чуть старше.

– Тогда ничего не понимаю, – развёл руками Иннокентий Иванович, – хотя постой, – хлопнул он себя по колену, – дружище, а не те ли это хунхузы, от которых я тебя под Нунгатой отбил? Если так, то тем бандитам сегодня примерно столько же лет, как этому, из ресторана. Вань, если, не дай бог, я прав, то оставаться тебе во Владивостоке крайне опасно. Ты ж тогда застрелил двух хунхузов, а один из них, помнится, оказался чуть ли не родственником какого-то известного бандита? А среди хунхузов, сам знаешь, месть – дело чести.

Вань тяжело вздохнул:

– Сколько лет уже прошло!

События двадцатилетней давности всплыли в памяти, будто произошли вчера…

Глава 8

Известный китайский историк и археолог Чжень Вань Янь только что вернулся из научной экспедиции, в район реки Суйфун.

Целью экспедиции были поиски гробницы последнего правителя Китайской империи Сун.

Согласно летописи, в 1127 году во время одного из сражений его войска были разбиты, он бежал в столицу, но был схвачен и вместе со старшим сыном попал в плен.

Вождь победителей, чжурчжэньский князь Агуда заставил Хуэй-цзуна написать отречение от трона и под именем князя Ваньяньского отправил на север Маньчжурии в ссылку. Агуда сделал гениальный ход. Князья Ваньяньские – родовое имя его клана, и присвоив Хуэй-цзуну титул князя Ваньяньского, он сделал его своим племянником, причём не просто племянником, а младшим в роде. Тем самым Хуэй-цзун признавал за Агудой наследное право на трон Поднебесной, исключая любые претензии на престол собственных наследников. Таким образом хитроумный Агуда стал законным китайским императором. После отъезда Хуэй-цзуна и его сына в ссылку следы их терялись.

И вот однажды, изучая свитки одного из даосских монастырей, Ваню удалось найти упоминания о месте возможного погребения Хуэй-цзуна. Старинный манускрипт указывал на старую пограничную крепость, развалины которой находились в русской части Приморья, возле городка Уссурийск-Никольский[30 - Исторический факт: на территории Суворовского училища города Уссурийска в Приморском крае были обнаружены развалины древней чжурчжэньской крепости.]. Пользуясь полученной информацией, он выехал на поиски могильника.

Удивительно, но здесь ему действительно удалось обнаружить останки древней чжурчжэньской крепости. Собственно, от самой крепости сохранился лишь

земляной вал высотой около двух-трёх саженей и едва заметные очертания защитного рва. Более шестисот лет назад она была разрушена и сожжена войсками Чингисхана. У великого хана к чжурчжэням были старые счеты…

После покорения империй Ляо и Сун воинственные чжурчжэни создали свою империю, назвав её Золотой империей Цзинь.

Упражняясь в воинской доблести, они устраивали регулярные набеги на становища соседних монголов, истребляли взрослых и уводили в рабство детей.

Так продолжалось до появления в степи великого хана Темучина[31 - Двадцать тысяч присягнувших Темучину чжурчжэней принимали участие в его набеге на Древнюю Русь. В Украине до сих пор есть речушки и населённые пункты с корнем «жен». Ещё одна занимательная гипотеза: монголы называли чжурчжэней татарами. Это название появилось от мест их проживания. Территория современной Амурской области, Хабаровского, Приморского края и Маньчжурии звалась Татарией (Тартарией). Отсюда и название пролива, отделяющего материк от Сахалина – Татарский пролив.], позже прозванного Чингисханом. После объединения монгольских племён он развернул армию на Китай и захватил западные, южные и северные провинции страны.

Многие из покорённых чжурчжэнями народов выступили на стороне монголов. Особенно усердствовали кидани. Они не только открывали войскам Чингисхана ворота городов, но и наносили удары в спину войскам Цзинь.

Когда-то непобедимая «Золотая империя», наводившая ужас на соседей и подчинившая себе десятки племён, перед армией монголов оказалась беспомощной. За неполную сотню лет правления она превратилась в развращённую, разжиревшую, высокомерную, погрязшую во взятках и коррупции беззубую страну. Должности военачальников покупались, а воинские победы остались только в воспоминаниях о великих предках.

Такая армия не могла противостоять дисциплинированным войскам великого Чингисхана и была рассеяна.

Но остались многочисленные гарнизоны городов. Чтобы выманить их из-за хорошо укреплённых стен, Чингисхан отправил часть войск в исконные чжурчжэньские земли и приказал уничтожать население, вне зависимости от

пола и возраста.

Чжурчжэни выступили на защиту родовой вотчины и были разгромлены.

Оставшиеся в живых разделились. Более двадцати тысяч присягнули Чингисхану и влились в его войско, остальные не смирились и ушли в Маньчжурию. Но в 1253 году специально посланный за ними экспедиционный корпус монгольского хана Джаралтая смерчем пронёсся по Маньчжурии и Приморью, вырезая под корень всех подряд.

Монголы не просто уничтожали жителей, они до основания разрушали города и все без исключения населённые пункты, громили даже погребальные комплексы и захоронения.

Некогда богатая и щедрая земля опустела. И на многие столетия хозяйками этих земель остались только надгробные каменные черепахи…

Китайскому археологу повезло, он нашёл не только останки древней крепости чжурчжэней, но и двух каменных черепах. Это животное было родовым тотемом Ваньяньского княжеского клана. Только они имели право устанавливать каменных черепах над местом погребения своих родичей. Чем выше положение занимал похороненный при жизни, тем более дорогой камень использовался для изготовления надгробия. И только на могилах вождей устанавливали больших черепах, вытесанных из красного камня или гранита.

Под одной из таких пресмыкающихся Вань и обнаружил древнее захоронение. Кипя от нетерпения, он решил не тратить время на согласование работ с русскими властями и приступил к раскопкам. Вскоре лопаты рабочих заскребли по камню.

– Неужели удача? – учёный бросился в яму, больше мешая, чем помогая рабочим. Из земли показались очертания свода каменного склепа. Последние сомнения отпали – оно!

Вскоре обнаружился замурованный вход. Орудуя ломами и кирками, вывернули каменную плиту. Тяжёлый, затхлый воздух подземелья со вздохом вырвался на свободу. Рабочим показалось, что из могильника вырвался злой дух, и они, обгоняя друг друга, бросились из раскопа. Вань зажёг факел и сам устремился в

открывшийся лаз.

То, что он увидел, с головой окунуло его в эйфорию: в совершенно сухом, сводчатом помещении стоял неповреждённый каменный саркофаг. Трясущимися от волнения руками он сдвинул крышку и замер. Внутри находились хорошо сохранившиеся останки богатого воина в полном вооружении. По форме и орнаменту доспеха можно было предположить, что он относится к XI–XII векам.

– Нашёл! – чуть не закричал археолог, но осторожность взяла верх над переполняющими эмоциями.

Он с трудом вернул крышку на место и полез наружу. Только чудо и литровая бутыль ядрёной ханши помогли ему уговорить рабочих вытащить саркофаг из могильника и погрузить на телегу. Он был настолько возбуждён, что за одну только мысль отдать находку в чужие руки готов был убить.

И, призрев закон, решился вывезти её в Китай. Благо, езды до его родного города Нунгаты было всего ничего.

– Не отдам! – решил Вань и погнал телегу к границе.

Дорога прошла без приключений. Нанятые на месте грузчики занесли саркофаг в дом и, получив расчёт, уехали. Он с нетерпением дождался их ухода и запер двери…

Глава 9

Поиски древней реликвии китайских императоров – «Чёрного Дракона», утраченной в год гибели империи Сун, давно стали навязчивой идеей Ваня. Первые упоминания о золотой пластине, именуемой «Чёрным Драконом», или «Лу Ваном», встречались еще в XXI веке до н. э., во времена империи Ся.

Но особенно часто о нём писали в период правления династии Чжао.

Хуэй-цзун был предпоследним представителем этой династии. Во времена его правления империя Сун испытывала невероятный экономический подъём, но после его пленения чжурчжэньским князем Агудой упоминания о «Лу Ване» прекратились. Что могло произойти с «Чёрным Драконом»?

Согласно описанию современников, артефакт выглядел как большая золотая пластина, на одной стороне которой было выплавлено изображение дракона, а на другой – вырезаны древнекитайские иероглифы «Вода» и «Вечность».

Китайцы верили, что все важные события, происходящие в стране, отображают его настроения. Согласно легендам, «Чёрный Дракон» хоть и считался покровителем и защитником Поднебесной, но имел скверный характер и допускал наводнения на крупных реках страны. Доходило до того, что на реке Хуанхэ он несколько раз менял направление течения. В результате его баловства стихия смывала целые деревни, унося жизни людей, уничтожая скот и урожай, а оставшихся в живых ожидала голодная смерть.

В таких случаях «Чёрного Дракона», точнее его земную суть – золотую пластину «Лу Вана»[32 - История золотой пластины «Лу Вана» – исторический факт. Суеверные правители Поднебесной не только поклонялись ей, но и наказывали её.], подвергали наказанию. Её привозили в район разгула стихии и подвергали ритуальному утоплению. В таком положении золотая пластина пребывала до окончания наводнения. Считалось, что только так можно заставить «Лу Вана» прекратить безобразничать.

Как покровитель страны «Чёрный Дракон» всегда присутствовал при всех значимых религиозных и светских событиях империи.

Как вдруг он исчезает. И это при невероятно высокой степени религиозного суеверия, которое царило среди всех народов Китая? За всю его историю ни один из древних завоевателей, даже великий Чингисхан, никогда не поднимал руку ни на китайские кумирни, ни на их покровителей.

– Так что же произошло с «Лу Ваном»? – размышлял Вань, – умышленное уничтожение или случайная утрата? Утрата? Символа императорской власти, символа покровителя Китая? Да ладно! Но даже если так? Неужели не искали?

А ведь именно после исчезновения «Чёрного Дракона» на Китай обрушилась целая череда проигранных войн, гибель императорских династий, разорение и упадок процветающей страны.

Вань верил в божественную сущность древнего артефакта и был убеждён, что, когда «Лу Ван» вернётся, закончится нескончаемая череда несчастий и бед, обрушившихся на когда-то великую, просвещённую и процветающую страну, названную предками Поднебесной. Но где искать «Чёрного Дракона»?

Как у всякого увлечённого историей учёного, у него имелась своя версия исчезновения золотой пластины «Лу Вана». Он считал виновником пропажи «Чёрного Дракона» пленённого чжурчжэнями императора Хуэй-цзуна.

– Если найденный саркофаг действительно принадлежит последнему императору Сун, то, возможно, в нём удастся отыскать подсказку о месте нахождения золотой пластины «Лу Вана»?

А основания предполагать, что перед ним останки императора Хуэй-цзуна, у Ваня были. Во-первых, в этих местах надгробие в виде черепахи могли поставить только на захоронение человека из клана Ваньянь. Во-вторых, над могилой была установлена черепаха, вытесанная не из простого камня, а из редкого красного гранита, что говорило о высоком происхождении усопшего. Третье, и наиболее важное, – чжурчжэни клана Ваньянь кремировали соплеменников. Причём в усыпальницу помещали не только кувшин с прахом усопшего, но и прах наложниц и коней. Укладывали конскую упряжь, оружие, предметы домашнего быта – ничего этого в могильнике не было.

Кроме того, на каменной поминальной плите, которая устанавливалась на спину надгробной черепахи, вырезались надписи, рассказывающие о подвигах и заслугах похороненного человека перед племенем. Но на найденной на захоронении поминальной плите не было никаких надписей. Будто тот, кто был погребён в саркофаге, не имел ни собственного имени, ни заслуг перед племенем Ваньянь.

А если посмотреть с другой стороны? Что мы имеем? В саркофаге находились не кремированные останки знатного воина. К тому же сосудов с прахом других людей и животных нет, предметов быта и конской упряжи тоже. Но по обычаям чжурчжэней они должны присутствовать в захоронении, чтобы обеспечить

усопшему комфортную жизнь в загробном мире. Вместе с тем тело в саркофаге было облачено в полный, богато украшенный доспех с оружием, стоимость которого на время погребения была равна стоимости небольшого города. Это указывало на то, что усопший был не беден и похоронен, если не с уважением, то с почётом. После пленения и отречения от власти Хуэй-цзун и его сын получили титулы Ваньяньских князей, поэтому можно предположить, что им могли поставить на могильный холм надгробие в виде черепах. Потому что Хуэй-цзун, хоть и под угрозой смерти, но признал себя племянником Агуды. А тот являлся правителем империи Цзинь. Таким образом Хуэй-цзун стал членом семьи императора Агуды – вот тебе и красный гранит, из которого вырубили черепаху. Он долгие годы воевал против чжурчжэней, был их заклятым врагом и жизнь закончил, хоть и пленником, но почётным. Не поэтому ли на поминальной плите не указали ни имени, которого он лишился, ни заслуг перед племенем, которых у него не было?

Всё сходилось. С присущей опытному археологу осторожностью он стал извлекать из саркофага содержимое и аккуратно раскладывать на столе.

Вскоре вся его площадь была занята изъятыми из саркофага предметами. Здесь были и богато украшенное оружие, и множество золотых элементов крепления доспеха, накладных украшений нагрудного панциря, серебряные поножи и дорого убранный золотом, но изрядно проржавевший железный шлем. Два удивительно хорошо сохранившихся бронзовых кинжала, старинный китайский меч Дао, ножны к нему. И все это с изысканным золотым орнаментом.

Чтобы не повредить ветхие детали погребальной одежды, он работал кистью, сметая рассыпавшиеся в прах тканевые нити. Вдруг под слоем истлевшей ткани проявился небольшой предмет, похожий на хорошо сохранившуюся табличку размером с ладонь.

– Так, а это что?

Вань осторожно взял её в руки. Табличка была необычной формы и неожиданно тяжёлой для своего размера.

– Ого, какая увесистая! На металл и камень не похоже. Неужели железное дерево? Чудеса!

Протерев находку салфеткой, он обнаружил на её поверхности еле заметные, неровно вырезанные иероглифы. Складывалось ощущение, что табличка является частью чего-то большего, а два иероглифа – фрагмент какой-то общей надписи.

Но вот в чём не было никакого сомнения – возраст этой таблички был значительно старше саркофага и его обитателя. Толстый слой лака позволил необычной находке сохраниться в идеальном состоянии, если не считать того, что на обратной её стороне прямо по лаку было нацарапано ещё несколько иероглифов. Безусловно, табличка являлась интересной находкой.

Единственное, что смущало, её простота. Она никак не вязалась с богатым убранством остального содержимого саркофага. Нацарапанные по лаку иероглифы были едва видны и незнакомы. Вань решил показать их знакомому настоятелю даосского монастыря. Археолог давно дружил с монахом и часто консультировался по вопросам древней письменности. Тот мог не только прочитать надпись, но и подсказать примерный возраст выведенных на табличке иероглифов.

Всю ночь Вань не спал. Загадочная табличка не давала покоя. С нетерпением дождавшись утра, он поехал в монастырь.

Зарядившие дожди сделали дорогу труднопроходимой. Узкие колёса фургона давили глубокую колею и вязли в грязи. Дорожная глина набилась в ступицы колёс, делая и без того неповоротливую повозку ещё тяжеловесней.

Бездорожье и дождь совершенно вымотали. Лишь к позднему вечеру, изрядно намучавшись и промокнув до нитки, он добрался до обители. Но мучения стоили того.

Два залитых лаком иероглифа настоятелю монастыря были не знакомы. Это говорило либо об их дремучей древности, либо о чужеродности. Но вот другие иероглифы, нацарапанные по лаку…

После недолгого изучения настоятель уверенно распознал в них язык древних хань времён империи Сун. Ему даже удалось прочесть надпись. Она гласила: «Забытый спаситель ждёт тебя в Храме Вечного Покоя».

– Что означает эта надпись? Кому она была адресована? Как табличка с надписью на языке народа хань могла оказаться в чжурчжэньском погребении? Что она вообще делала в Маньчжурии? А ведь правители империи Сун, в том числе и Хуэй-цзун, принадлежали именно к племени хань. Неужели погребённое в саркофаге тело действительно принадлежит Хуэй-цзуну или его сыну? Хотя сыну вряд ли. Он был неженкой и заслужить уважение профессиональных воинов, которыми были чжурчжэни того периода, скорее всего, не мог. И ещё одно: у усопшего в районе кистей рук имелись хорошо различимые костные мозоли. Это следствие длительного ношения наручей, что характерно только для воина-мечника или лучника. В отличие от женоподобного сына, Хуэй-цзун был и тем, и другим. Если верить летописям, он был признанным мастером лука. Так что вполне мог заработать характерные мозоли на запястьях.

Через несколько дней Вань вернулся в Нунгату.

Всю обратную дорогу его занимали мысли о загадочной находке.

– Каким образом в саркофаг знатного воина могла попасть такая простенькая на вид табличка? Не похоже, что она принадлежала усопшему, потому что была подложена в саркофаг уже под мёртвое тело. Тогда кто тот человек, положивший её в усыпальницу покойного? Кого могли допустить к саркофагу во время или после погребения? Загадка. И эта странная надпись о Храме Вечного Покоя… Как там? «Забытый спаситель ждёт тебя в Храме Вечного Покоя». В пантеоне даосских кумиров[33 - Кумир – языческое божество, дух-покровитель определённого события или стихии.] есть дух Юниса. Посвященные ему кумирни иногда называют «Храмом Вечного Покоя», или «Храмом Вечного Отдохновения». Но какое отношение Юниса может иметь к Хуэй-цзуну, он же не воинский кумир. Было бы логичнее, если бы воина, коим считался Хуэй-цзун, ожидали в храме Бога войны Гуань Ди. А тут почему-то храм Юнисы. Странно. Что означает нацарапанная на табличке надпись? Скорбное прощание с близким человеком или отчёт о тайно выполненном поручении?

А если это сообщение о тайном месте, где спрятан «Чёрный Дракон»? Ведь «Лу Ван» исчез сразу после пленения Хуэй-цзуна. Звучит, конечно, невероятно, ну а если? Предположим, что табличка действительно имеет какое-то отношение к «Лу Вану». Тогда получается, что «Чёрного Дракона» из дворцовой сокровищницы вывезли, а затем спрятали. Если это так, то можно попробовать отследить его путь из дворца. Современники пишут, что на момент разгрома армии Хуэй-цзуна реликвия «Чёрный Дракон» находилась в сокровищнице, то

есть в императорской столице. Но как попасть в Запретный город[34 - Запретный город – резиденция китайских императоров в Пекине.]?

Постой, постой! Ведь «Лу Ван» хоть и был императорской реликвией и символом власти, но прежде всего он был религиозным артефактом. Ему посвящались целые монастыри, не говоря уже о многочисленных кумирнях.

Поэтому храниться он мог только в храме. Причём в собственном храме – так гласит и надпись на табличке. Значит, надо искать храм.

К тому же с чего это я решил, что храм должен находиться в Пекине?

В 1125 году столицей Поднебесной был не Пекин, а Кайфын. Пекин стал столицей Китая только в 1151 году, так что искать следы «Лу Вана» надо в Кайфыне, в храмовом комплексе Фаньта.

Допустим, что «Чёрный Дракон» действительно находился там, но кто и как мог вывезти такую важную, бесценную, в прямом смысле этого слова, реликвию? Такие вещи могли происходить либо по личному распоряжению императора, либо особы, пользующейся его доверием и имеющей непререкаемый авторитет во дворце и в храме. Но кем бы ни был тот человек, он не мог не оставить следа. Хотя бы потому, что во времена существования Китайской империи всей рутинной, повседневной жизнью дворца управляли бесчисленные слуги и чиновники – императорские евнухи. Огромный бюрократический аппарат скрупулёзно вёл записи всех доходов и расходов империи, в том числе дворца и дворцового храма. Значит, если пластину «Лу Вана» куда-то вывезли, то на это были затрачены денежные средства, и не малые: охрана, носильщики…

Ведь пластина, по свидетельству тех же современников, весила не менее семидесяти килограммов, плюс лошади, повозки, фураж, деньги на дорогу и другие затраты. С учётом ценности груза, одной охраны должно быть не менее десяти – пятнадцати воинов. А это уже письменный воинский приказ. Получается, что общее количество задействованных людей должно насчитывать не менее двадцати пяти – тридцати человек. Значит, поиски надо начинать в архивах стражи старого Кайфынского дворца и дворцового казначея тех лет. Предположим. Что дальше? А дальше следующий вопрос. Как, не привлекая к себе лишнего внимания, из дворцового храмового комплекса мог выехать такой обоз? Подо что его можно было замаскировать? Тут ответ простой – либо

посольство, либо теологическая научная экспедиция. Вот только посольство во время военных действий – штука приметная и в случае пропажи требует розыска и следствия.

А научная, да ещё и теологическая экспедиция в случае исчезновения внимания не привлечёт. Получается, что если «Лу Вана» и вывезли, то только под видом научной или теологической экспедиции.

Ну что же, версия, хоть и неожиданная, но имеет право на жизнь. А значит, требует подтверждения или опровержения. Решено! Ищем научную или теологическую экспедицию! Место отправки экспедиции – Кайфын!

Предполагаемая дата: 1125–1127 года!

Учёный чувствовал, что он ухватил тонкую, почти неуловимую нить давних событий.

– Безусловно, все эти предположения – всего лишь гипотеза, но какая логичная и привлекательная. Надеюсь, старые финансовые книги Кайфынского дворца помогут раскрыть тайну загадочного исчезновения чёрной пластины «Лу Вана». А табличка? Пока не знаю, что это такое, но то, что это не просто кусок доски, – точно! Нужно ехать в Кайфын!

Приняв решение, Чжень повеселел и стал планировать поездку в древнюю столицу империи Сун. Поиски могли затянуться. Встал вопрос, куда деть саркофаг.

– В городское казначейство? Потом концов не найдёшь. Нет, его нужно оставить там, где он будет в сохранности. А я знаю только одно такое место – монастырь.

Сборы заняли несколько дней. Наёмные носильщики с трудом погрузили саркофаг с доспехами в фургон и уселись рядом. Поехали. На беду археолога, среди грузчиков оказался осведомитель главаря местной банды хунхузов. Вань не обратил внимания на пристальный взгляд одного из рабочих, а зря. Местные уголовники давно присматривались к добротному дому учёного. А тут шумные сборы, хлопоты, разговоры с соседями об отъезде. Поэтому когда археолог озадачился поиском и наймом грузчиков, то искать их особенно не пришлось…

Город давно скрылся из вида. Избитая ухабами дорога втянулась в унылые, поросшие хвойным лесом холмы. Вань за последние дни так набегался, что расслабился и задремал. Впереди послышалось ржание лошадей. Возница забеспокоился и разбудил прикорнувшего пассажира.

За время частых путешествий Вань настолько привык к разным сюрпризам, что мгновенно открыл глаза и сунул руку в саквояж.

За поворотом, заступая дорогу лошадям, появились два живописно разодетых незнакомца. В глаза бросались ярко-рыжие театральные бороды и грозно сверкающие наконечниками копья. Ряженые схватили лошадей под уздцы.

Вань оглянулся. Повозку догоняли ещё несколько вооружённых людей.

– Краснобородые! Эти свидетелей не оставляют! Грабежом не обойдётся – убьют, – мысли одной строкой пронеслись в голове. Руки действовали сами.

Вань выхватил из саквояжа заряженный кольт и выстрелил в загородившего дорогу бандита.

Массивный американский револьвер марки Кольт Патерсон он по случаю приобрёл у пьяного американского матроса во Владивостоке.

– Вот и пригодился…

Неожиданно громкий выстрел на миг ошеломил бандитов.

Никакого сопротивления, а уж тем более вооружённого от книжного червя никто не ожидал. Свинцовая пуля, выпущенная из «американца», попала одному из нападающих в лоб, начисто снеся всю верхнюю часть черепа. Его тело швырнуло на обочину. Второй хунхуз, увидев вместо головы подельника пузырящийся кровью безобразный обломок, выпустил из рук перехваченный повод.

Испуганные выстрелом лошади рванули повозку вперёд. Растерявшийся грабитель не успел отскочить, и его смял массивный фургон. Лошадей понесло. Повозку нещадно мотало из стороны в сторону. Дремавшие грузчики вылетели из повозки. Только одному из них, сидевшему за спиной кучера, удалось

вцепиться в борт фургона.

Вань оглянулся. Позади, сбившись в кучу, толкаясь и мешая друг другу, бежали разбойники. Они громко ругались, размахивали копьями, но неумолимо отставали. Археолог, не целясь, выстрелил в толпу преследователей.

Бегущий впереди всех рослый бандит переломился пополам и свалился под ноги подельникам. Не в силах догнать уносящийся прочь фургон, бандиты пробежали ещё несколько метров и прекратили преследование.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Маньчжурия – часть территории современного Китая, расположенная на его северо-востоке.

2

Чжурчжэни – кочевники, населявшие северо-восток Китая до XIII века.

3

Агуда – военный вождь чжурчжэней.

4

Империя Сун – китайское государство, существовавшее с 960 по 1279 год н. э.

5

Ли – китайская единица измерения (500 м).

6

Хуэй-цзун – император династии Чжао Китайской империи Сун.

7

Багор – оружие с древком в несколько метров, совмещающее функции копья и крюка.

8

Фаланга – вид воинского построения сплошным фронтом в несколько шеренг. Обычное вооружение воинов фаланги – длинные копья и большие ростовые щиты. Для примера: греческие цари Филипп и Александр Македонские выстраивали свою пехоту именно фалангой. По тем временам только она была способна противостоять тяжёлой кавалерии противника.

9

Саадак – колчан для стрел

10

Дротик – короткое копьё; часть его древка защищалась железом, чтобы в случае попадания его в щит щитоносец не мог дотянуться мечом до деревянной части дротика и обрубить его.

11

Семь футов под килем – традиционное на флоте пожелание удачи, благополучного плавания.

12

Плашкоут – несамоходное плоскодонное грузовое судно.

13

Ду?хами во время Афганской и чеченской войн российские солдаты называли боевиков.

14

В 1825 году русским инженером Челиевым был изобретён строительный материал бетон, он состоял из цемента и других добавочных материалов, смешанных в различной консистенции. Цемент оставался его основной составляющей, но в середине XIX века Челиев запатентовал новый строительный материал – железобетон, содержащий арматуру. По сути, арматура – это связующий каркас, который усиливает общую конструкцию и обеспечивает ей устойчивость к высоким нагрузкам. Железобетон до сих пор применяется в строительстве, но впервые он был применён при строительстве русской морской крепости Порт-Артур. С появлением арматуры разные незаконопослушные граждане часто использовали её как средство нападения.

15

Язык – в жаргоне работников силовых ведомств (армии, разведки, контрразведки) так называют пленного, захваченного с целью его последующего допроса и, возможно, перевербовки.

16

Грач – пистолет ПЯ (пистолет Ярыгина), пришёл на замену ПМ (пистолет Макарова). ПЯ имеет увеличенную обойму на 17 и 18 патронов, способен пробивать бронежилеты невысокого уровня защиты, принят на вооружение российской армии и российских силовых структур.

17

Юниса – древний дух, охраняющий врата Вечного Покоя.

18

Протяжённость Амура – 2824 километра, а бассейн реки находится в пределах трёх государств: России, Китая и Монголии. В переводе со всех этих языков его название означает «Чёрная река», или «река Чёрного дракона». Согласно китайской легенде, в современных географических рамках считалось, что хвост Чёрного дракона находится в Монголии и Даурии, туловище лежит в четырёх российских регионах и одной китайской провинции, две его левые лапы дотягиваются до Станового хребта, а две правые – это реки Уссури в России и Сунгари в Китае, и голова его упирается в Охотское море, «…где он пьёт воду из Татарского пролива».

19

Кумирня – религиозное языческое сооружение, посвящённое одному или нескольким кумирам.

20

Гусары – легкая кавалерия, элитный род войск. На службу в гусарские полки принимались только дворяне. Польские гусары не были исключением. Среди польского дворянства виртуозное владение саблей считалось не только нормой, но и визитной карточкой рода; секреты владения оружием и различные

фехтовальные финты считались родовой тайной и передавались либо по наследству, либо дарились близкому другу.

21

Бретер – умелый фехтовальщик, дуэлянт, как правило, хладнокровный убийца. Бретеров часто использовали для выполнения деликатных поручений. Яркими представителями бретеров были Д'Артаньян и его друзья мушкетёры.

22

Пластуны – подразделение казачьей разведки, аналог современного армейского спецназа. Многие приёмы рукопашного боя пластунов были включены в наставления по боевому самбо и до сих пор используются при подготовке бойцов отрядов специального назначения.

23

«Шустовский» – дорогой марочный коньяк. Разливался на коньячном заводе русского купца Н. Л. Шустова.

24

Цейсовская оптика – оптика производства германского промышленника Цейса, которая до сих пор считается эталоном качества среди аналогичного оборудования.

25

Сажень – старорусская единица измерения, 182,88 см.; 15 саженей – 27 метров 43 сантиметра.

26

Викторианский цвет на флоте – белый корпус с желтыми трубами. Родоначальник такой раскраски – Англия, отсюда и название – викторианская. Флоты многих стран, в том числе и России, не избежали подражательству «Владычице морей», как себя называли англичане.

27

Микст – поезд со смешанным составом из вагонов разного назначения.

28

Слепень – крупный овод.

29

Хунхуз в переводе с китайского языка – краснобородый. Так назывались члены организованных китайских банд, действовавших на территориях Маньчжурии, Кореи и Северного Китая и отличавшиеся исключительной жестокостью. Это

прозвище закрепилось за ними за привычку маскировать свои лица красными или оранжевыми накладными бородами.

30

Исторический факт: на территории Суворовского училища города Уссурийска в Приморском крае были обнаружены развалины древней чжурчжэньской крепости.

31

Двадцать тысяч присягнувших Темучину чжурчжэней принимали участие в его набеге на Древнюю Русь. В Украине до сих пор есть речушки и населённые пункты с корнем «жен». Ещё одна занимательная гипотеза: монголы называли чжурчжэней татарами. Это название появилось от мест их проживания. Территория современной Амурской области, Хабаровского, Приморского края и Маньчжурии звалась Татарией (Тартарией). Отсюда и название пролива, отделяющего материк от Сахалина – Татарский пролив.

32

История золотой пластины «Лу Вана» – исторический факт. Суеверные правители Поднебесной не только поклонялись ей, но и наказывали её.

33

Кумир – языческое божество, дух-покровитель определённого события или стихии.

34

Запретный город – резиденция китайских императоров в Пекине.

Купить: https://tellnovel.com/ru/korostelev_nikolay/hram-yunisy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить